

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

САРА ДЖИО



Все цветы Парижа

«Эмоциональная,
романтическая история.
Сердце замирает».

Booklist



Зарубежный романтический бестселлер

Сара Джо

Все цветы Парижа

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Джио С.

Все цветы Парижа / С. Джио — «Эксмо», 2019 — (Зарубежный романтический бестселлер)

ISBN 978-5-04-104956-0

После частичной потери памяти дочь известного киноактера Каролина Уильямс приезжает в Париж и арендует квартиру на улице Клер. Вскоре она понимает, что красивый старинный дом хранит сумрачную тайну. Каролина обнаруживает в одной из комнат письма некой Селины, датированные 1943 годом. Селину удерживали в доме насильно, но она не теряла присутствия духа и делала все, чтобы спасти своих любимых, особенно малышку дочь. Разбираясь с загадками, корни которых уходят более чем на полвека в прошлое, Каролина находит ключи и к собственной памяти, в глубинах которой притаились и боль, и вера, и любовь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104956-0

© Джио С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сара Джо

Все цветы Парижа

Sarah Jio

ALL THE FLOWERS IN PARIS

Copyright © 2019 by Sarah Jio

All rights reserved.

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Эмоциональная, романтическая история. Сердце замирает».

Booklist

«Эталон современной романтической прозы».

The Observer



Сара Джо – успешный писатель и журналист. Ее романы стабильно занимают первые строчки в рейтингах «The New York Times» и изданы в 27 странах мира. Автор повествует о необычных людских судьбах, о затерянных в прошлом семейных тайнах и, конечно, о любви.

Евангелине и Петре

От автора

Сиэтл, декабрь 2017 года

Дорогой читатель!

Это мой десятый роман. Меня тянуло в Париж всегда, я мечтала о Городе Света давно, еще в колледже. Потом я много путешествовала, работала над очередным романом, и по разным причинам у меня никак не получалось побывать во Франции. Но я всегда знала, что когда-нибудь напишу книгу, герои которой будут жить в Париже. Правда, в моих предыдущих романах герои тоже приезжали в Париж, но до сих пор еще никогда действие не происходило только в этом городе, и сейчас я немного волнуюсь.

Работая над романом, я жила странной жизнью: старалась быть хорошей мамой для трех моих маленьких сыновей в Сиэтле и одновременно заглядывала вместе с моими героями в самые прелестные парижские кафе, наслаждалась видами знаменитого города. Я поднималась на Монмартр, любовалась на улице Клер красочными лотками с фруктами и цветами, пила эспрессо в маленьких бистро в неведомых переулках.

Но в моем романе речь идет не о шоколадных круассанах и Эйфелевой башне в весенний день. Его герои проходят через суровые испытания не только в оккупированном немецкими фашистами Париже, но и в наши дни. Они учатся – успешно и не очень – бороться со злой судьбой, прощать и любить.

Эта книга – мое признание в любви Парижу. Возможно, что не последнее. А пока я надеюсь, что вам понравится эта история и вы полюбите ее героев и весь Париж, до последнего его цветка.

С любовью,

Сара

Глава 1

КАРОЛИНА

4 сентября 2009 года

Париж, Франция

Как он мог? С пылающими щеками я вскочила на велосипед и, крутя педали, помчалась вниз по улице Клер мимо лотков с блестящими лиловыми баклажанами, с букетиками цветов, розовыми пионами и золотистыми подсолнухами в крошечных ведерках, мимо кафе «Дю Монд», где я иногда покупала кофе, если слишком уставала и мне было в облом идти пешком до «Бистро Жанти», мимо старушки, выгуливавшей крошечного белого пуделя. Несмотря на яркое солнце над головой, она, как закоренелый пессимист, сжимала в костлявом кулачке зачехленный зонтик, словно небеса могли в любой момент разверзнуться и обрушиться на город свою накопившуюся ярость.

Ярость – да, я испытывала именно ее. Во мне бурлила ярость. Меньше всего я ожидала или хотела увидеть *его* сегодня утром. После всего, что произошло, неужели ему не хватило порядочности уважать мои желания? Ведь я сказала ему, что не хочу его видеть ни сейчас, ни... вообще когда-либо. Но он все-таки материализовался передо мной, да не где-нибудь, а в кафе «Дю Монд», улыбаясь как ни в чем не бывало, как будто...

Я сморгнула слезы, стараясь не терять остатки самообладания. Прошлым вечером я не сумела сдержаться, швырнула на скатерть салфетку, заорала на него и выскочила на улицу... А вот истинные парижанки, в отличие от меня, никогда не утрачивают самообладания.

В этом отношении мне предстояло еще много работать над собой, но вообще-то я уже могла сойти за француженку, по крайней мере, если не смотреть слишком пристально. Я ездила на велосипеде в платье. С легким шарфиком на шее. Светлые волосы завязывала на макушке в пучок. Без шлема. У меня ушло три года, чтобы мало-мальски овладеть языком (подчеркиваю – мало-мальски), но вот на адекватное владение французским стилем я пока и не надеялась – на это уйдет вся жизнь.

Но разве теперь это имело какое-то значение? Со временем Париж стал моим убежищем, моим коконом, моим спасением от прошлых горестей и драм. Я сморгнула слезы. А сейчас? Неужели этот идиот в самом деле уверен, что может вот так впорхнуть в кафе и я буду вести себя так, словно ничего не случилось? Что одним взмахом волшебной палочки можно вернуться в те времена, когда у нас все было хорошо?

Вздвигнув, я оглянулась через плечо – убедиться, что он не преследовал меня. Кажется, нет, и я помчалась еще быстрее и свернула за угол, где мужчина в кожаной куртке поймал мой взгляд и улыбнулся так, словно мы встречались и раньше. Нет, не встречались. Сказать, что французы на редкость самонадеянные, – не сказать ничего. По-моему, они искренне убеждены, что весь мир, а в нем каждая женщина должны радоваться, что такие красивые, обаятельные и интеллектуальные мужики удостоивают их своим вниманием.

Я едва успела потрогать кончиками пальцев воду в омуте свиданий, как вскоре разочаровалась во французах. Был обед с парикмахером, и он непрестанно поглядывал на себя в зеркало, висевшее за моей спиной; был ланч с художником, тот предложил пойти к нему домой и поговорить о его новой картине, которая по случайному совпадению висела над его кроватью; еще был профессор, пригласивший меня на свидание на прошлой неделе... но я так и не заставила себя ответить на его звонки.

Я удрученно вздохнула. Я не американка и не парижанка. Вообще, в эти месяцы я не чувствовала себя вообще никем. У меня не было привязанности ни к одной стране, ни к какому-то человеку. Я казалась себе просто призраком, одиноко плывущим по жизни.

Я проскочила мимо Рю-де-Сен и зигзагами помчалась вниз с обрамленного фонарями холма. Голубое платье трепетало на ветерке, за моей спиной простирался великий город, слезы снова застилали мне глаза, мешая видеть узкую улочку. Я моргнула, вытерла рукой глаза, и мощенная булыжником дорога снова вернулась в фокус. Впереди меня по тротуару шли пожилые супруги. Они, как и все немолодые французские пары, абсолютно прелестны, сами того не сознавая. Он в спортивной куртке (несмотря на влажную тридцатиградусную жару), а она в легком платье, которое висело в ее шкафу, вероятно, с 1953 года, когда она увидела его в витрине бутика на Елисейских Полях. Она тащила корзинку с рыночными овощами (наверху в ней лежал цукини). Он нес багет и ничего больше, нес его на плече, как винтовку времен Второй мировой, покорно, но с еле заметной и до странного очаровательной досадой.

Мои мысли вернулись к обмену колкостями в кафе, и во мне снова вскипела ярость. В моей памяти звучал его голос, нежный, милый, умоляющий. *Или я слишком сурова к нему?* Нет. Нет. *Может, да?* Нет! В другой жизни мы, может, провели бы этот вечер в каком-нибудь кафе за угловым столиком, пили бы хорошее бордо, слушали трубу Чета Бейкера, обсуждали гипотетическую поездку на греческие острова или постройку оранжереи за домом, где мы потом вырастим в горшке лимон (или авокадо) и будем сидеть под бугенвиллеей; такой, какую посадила моя мама, когда мне стукнуло одиннадцать, перед тем, как папа нас бросил. Джаз. Санторини. Лимонные деревья. Милые, красивые воспоминания, ни одно из них больше не имело смысла. Во всяком случае, в этой жизни. Эта глава прочитана. Нет, вся книга.

Как я могла простить его? Нет, я никогда его не прощу...

«Умение прощать – это дар, – сказал психотерапевт, к которому я ходила несколько раз, – как для вас самой, так и для того, кого вы прощаете. Но никто не даст вам этот дар, если вы не готовы его принять».

Я на секунду закрыла глаза, потом решительно открыла. Сейчас я не была готова к этому и сомневалась, что буду вообще когда-нибудь готова. Полная новой решимости, я еще быстрее крутила педали. Прошлая боль внезапно вернулась, резкая и горькая. Она обжигала, словно прижатый к ранке ломтик лимона.

Я вытерла очередную слезинку, и вдруг откуда ни возьмись передо мной возник грузовик. Меня захлестнул адреналин, как это бывает, когда ты заезвешься за рулем и едва не налетела на встречную машину, столб или человека с собакой. Я вывернула руль вправо, стараясь не задеть мать с маленькой дочкой, которые шли мне навстречу. Девочке было годика два, не больше. Яркое, даже ослепительное солнце играло в ее светлых волосиках.

Я щурилась, глядя на узкую дорогу, и мое сердце билось все тревожнее с каждой секундой. Шофер грузовика меня словно не видит.

– Стоп! – заорала я. – *Arretez!*

Я стиснула ручки руля, ударила по тормозу, но он почему-то не слушался. Улица была крутая и узкая, слишком узкая, и я катилась с горы все быстрее и быстрее. Шофер грузовика возился с сигаретой, грузовик вилял по булыжнику. Я закричала опять, но парень меня не слышал. Меня захлестнул ужас, густой и огромный. У меня было два варианта: свернуть влево и врезаться в мать с девочкой или свернуть вправо и налететь прямо на грузовик.

Я свернула вправо.

Глава 2 СЕЛИНА

4 сентября 1943 года

Париж, Франция

– Начинается осень, – сказал с печальным вздохом папа, глядя на улицу Клер из окна нашей маленькой цветочной лавки. Над Парижем ярко сияло голубое небо, а в папиных глазах я видела грозовые тучи.

– Ох, папа, – ответила я ему через открытую дверь и, поправив свой фартук, смела опавшие лепестки роз с булыжника перед лавкой. Мне всегда было чуточку жалко, что лепестки опадали, как бы глупо это ни звучало. Они напоминали мне заблудившихся маленьких утят, отставших от мамы-утки. – К чему такой невероятный пессимизм, ведь сейчас только начало сентября. – Я шутливо улыбнулась. – Лето выдалось чудесное; надо наслаждаться им, пока оно не закончилось.

– Чудесное? – Папа вскинул руки драматическим жестом, как это умеют делать все французы старше шестидесяти. Я часто думала, что наверняка существует старинный французский закон, который гласит, что если ты пожилой мужчина, то ты имеешь бесспорное право ворчать, быть вздорным и противным в любое время и в любом месте. Папа уж точно пользовался этим правом, но я все равно любила его за это еще сильнее. Несмотря на ворчливый характер, у него самое доброе сердце среди всех моих знакомых французов. – Наш город оккупирован нацистами, а ты говоришь, что лето было... *чудесным*? – Покачав головой, он вернулся к своей работе, над которой корпел весь день, – к изысканной цветочной композиции для мадам Жанти, одной из наших самых взыскательных клиенток. Местная законодательница стиля и хозяйка одного из самых фешенебельных ресторанов в городе, «Бистро Жанти», она направляла к нам многих клиентов – новых кандидатов в круг парижской элиты, мечтающих, чтобы их столовая выглядела так же стильно, как у нее. Поэтому мы с папой знали, что не можем рисковать и подводить ее; требования мадам Жанти всегда должны выполняться, какими бы смешными они ни казались и в какой бы поздний (или ранний) час ни поступили. Зелени никогда не должно быть слишком много, но и слишком мало тоже. Только розы, срезанные утром. Никаких пионов, только лютики. И ради всего святого только падуб, никакого папоротника. Три года назад я сделала такую ошибку и теперь твердо знала, что это больше *никогда не повторится*.

Забавно, как дети иногда не походят на своих родителей. К примеру, ее сын Люк был совсем не такой, как она. Мы знали друг друга со старших классов, и мне он всегда очень нравился. Каждую неделю мы вместе обедали в «Бистро Жанти», и я всегда ценила нашу дружбу, особенно теперь, во время проклятой оккупации. При других обстоятельствах мы с Люком могли бы стать любящей парой. Если бы не война и если бы наша жизнь проходила иначе. Конечно, я думала об этом много раз, да и он тоже, я это знаю. В нашей Книге Жизни сюжет получился на редкость сложным, и никто из нас, по-моему, не знал, что будет дальше.

Я вздохнула. У кого сейчас было время думать о таких вещах, когда все так неопределенно? Кое-кто из наших друзей разорился, потерял свой бизнес, других избивали на улице. Но наша маленькая семья пока что ухитрилась избежать больших неприятностей и финансовых потерь, и я каждый день благодарила за это судьбу. Мне хотелось верить (или делать вид?), что мы защищены от бед, что эта война как пришла, так и уйдет, а мы будем жить втроем и дальше: папа, я и моя маленькая дочка Кози. Пускай вокруг нас бушует шторм, мы сумели попасть в его более-менее тихий глаз.

Впрочем, я не наивная дуручка. У нас было много причин для тревоги. Но осторожность – совсем не то, что паранойя, и я отказывалась подчиняться страху. В конце концов, мы французские граждане, у нас есть все документы. И хотя папина мать была наполовину еврейка, она давным-давно скончалась в маленькой деревушке в Нормандии, далеко отсюда. Папа никогда не стыдился своего происхождения, но и не подчинял ему свою жизнь. Его отец был католиком, мать тоже приняла веру мужа. Насколько мне известно, никто не знал о папиных корнях и не мог проследить его родословную. Кроме того, немцы любили нашу лавку и покупали у нас изысканные букеты для жен и любовниц или для какой-нибудь хорошенькой французской девушки. У нас все будет хорошо. У нас троих.

Под звяканье дверных колокольчиков явился Люк. Он поцеловал меня в щеку, пожал руку папе и достал из кармана роскошный розовый грейпфрут.

– Погляди, что я купил на рынке.

– Люк, неужели? – У меня загорелись глаза.

– Я так и думал, что ты обрадуешься, – улыбнулся он.

– Я не ела грейпфруты с...

Снова звякнули колокольчики, на этот раз впуская мадам Бернар. С раздраженной физиономией она направилась к прилавку.

– Мне нужны четыре дюжины тигровых лилий, – заявила она папе, тяжело дыша. – Завтра вечером мы принимаем очень важных клиентов.

Папа нахмурил лоб. Мы с ним знали, что достать сейчас тигровые лилии очень трудно, практически невозможно.

– Мадам Бернар, – ответил он, деликатно кашлянув. – Лилии в наше время большая редкость. Я могу предложить вам розы, гвоздику или даже...

– Я сказала – лилии, – рявкнула она и выставила перед собой руку, словно пресекая дальнейший разговор на эту тему.

– Мадам Бернар, – неожиданно вмешался Люк. – Как я рад вас видеть.

– Господи, Люк! Вот уж не ожидала увидеть вас здесь, – проворковала она. Он улыбнулся.

– Как чувствует себя ваш супруг? Говорят, он недавно болел?

– Благополучно, благодарю вас. Уже поправляется.

– Вот и замечательно, – сказал он.

Мадам Бернар поглядела на меня, потом на Люка и снова на папу.

– Розы меня устроят. Я не буду слишком требовательной к вам. – Она покосилась на меня, потом на Люка. – Особенно в нынешние времена. Три дюжины роз. Мне нужны различные оттенки розового.

Люк послал мне воздушный поцелуй и пошел к двери. Папа, как всегда, записал заказ в свой блокнот.

– Когда доставить вам розы? К трем? Четырем?

– К полудню, – ответила она. – В прошлый раз ваш мальчишка опоздал. Проследите, чтобы этого не повторилось.

– Конечно, мадам, – пообещал папа.

– И цветы были чуть-чуть подвявшими. – Она недовольно тряхнула головой. – Если вы и дальше будете такими небрежными, то потеряете лучших клиентов, в том числе и меня.

– Простите, мадам, – не выдержала я. – Мы не продаем подвявших цветов. Возможно, у вас просто подвяла память.

– Моя память? – зашипела она, поворачиваясь к папе. – Мне жаль, что вы не научили вашу дочь хорошим манерам. Пожалуй, я отменяю мой заказ.

После ее ухода я рухнула со вздохом на стул. Но папа явно не видел в этом инциденте ничего забавного.

– Селина, держи себя в руках, не давай волю своему гневу.

– И позволять таким, как мадам Бернар, нам хамить? – Я пожала плечами. – Папа, у нас полно клиентов. Она нам не нужна.

Папа устало вздохнул.

– Что, если она пожалуется своим подругам и они перестанут покупать у нас?

– Не перестанут, – заявила я. – С другой стороны, все знают, что мадам Бернар сочувствует нацистам.

– Тем более нам нельзя с ней ссориться.

В это время в лавку ворвалась Кози, моя восьмилетняя красавица с ангельским сердцем и львиным характером, и шлейф от грязной ауры мадам Бернар растаял в воздухе.

– Мама, – воскликнула она, обхватывая меня ручонками. – Гляди, что я делала в школе!

Она достала из ранца листок бумаги с нарисованным акварелью морским берегом.

– Узнаешь? – спросила она, широко раскрыв глаза и выжидающе глядя на меня, и тут же, не дожидаясь моего ответа, с восторгом крикнула: – Это Нормандия, мама! Там, где ты родилась! – Сияя от гордости, она показала скалы, которые нарисовала на берегу, и озерцо, оставшееся после прилива. Она нарисовала картинку так, как я и рассказывала ей вечерами на сон грядущий. Нормандия и наш маленький дом на берегу моря навсегда остались в моем сердце. Когда мне исполнилось двенадцать лет, умерла мама, и папа перебрался в Париж. Прошло много лет, но когда я закрывала глаза и переносилась мыслями в прошлое, я до сих пор ощущала запах моря и маминых цветущих лимонов на нашем патио, словно и не уезжала оттуда. Пожалуй, часть моей души так и оставалась там до сих пор.

– Ты скучаешь по Нормандии? – спросила дочка, испытующе глядя мне в лицо.

Слезы навернулись мне на глаза. Я опустила голову и сделала вид, что вожусь с ведерком зелени, которая скоро окажется в одной из папиных композиций, предназначенных для того или другого гламурного приема. Наконец взяла себя в руки и снова поглядела на Кози.

– Да, милая, – сказала я с улыбкой. Как бы сильно ни тосковало мое сердце по Нормандии, еще больше оно тосковало по маме. Наша недолгая жизнь на берегу моря была волшебной прекрасной, но мы могли бы жить где угодно, даже в пустыне или темном лесу, но все равно были бы счастливы, если бы с нами была мама.

После ее смерти ничего не осталось прежним. Из нашей жизни ушла радость, погасла, словно пламя свечи, особенно для папы. Вместо безмятежной жизни в Нормандии началась полная суеты парижская жизнь, где люди редко улыбались и все время куда-то спешили. Папа открыл цветочную лавку, и мы начали строить нашу новую жизнь без мамы.

Папа стойко переносил утрату и заплакал при мне только один раз: в рождественское утро, когда мне было тринадцать лет. После завтрака я подарила ему мамину фотографию, которую нашла на чердаке в какой-то старой шкатулке. Мама на ней была восемнадцатилетней красавицей с падавшими на плечи темными волнистыми волосами, такими, как у Кози. В антикварной лавке я купила подходящую рамку. Я не знаю, видел ли он раньше тот снимок, но, посмотрев на него в то утро, он зарыдал.

Несмотря на все папины усилия справиться с горем, оно все эти годы не оставляло его. Он носил его как шарф на шее. Дело в том, что мама унесла с собой половину большого папиного сердца, когда умерла. Когда теряешь любовь всей своей жизни, разве можно когда-нибудь заполнить ту пустоту?

– Мама, тебе нравится? – Кози дернула меня за рукав, оторвав от моих мыслей.

– Да, чудесный рисунок, – ответила я, снова взглянув на маленький шедевр, и поцеловала ее прохладную, розовую щечку. – Ты нарисовала все точно, прямо так, как я рассказывала. Ты настоящая художница.

Дочка заправила за ухо темный локон и поглядела на меня с уверенной улыбкой.

– Мы с тобой когда-нибудь съездим туда?

– Да, обязательно съездим, – пообещала я.

– А там мы попробуем яблочный тарт, который ты любила в детстве?

При одном лишь упоминании о яблочном тарте у меня потекли слюнки и защемило сердце. Я до сих пор не забыла вкус маминых тартов, испеченных из наших домашних яблок, со свеженатертой корицей и пышным слоем взбитых сливок.

– А мы поищем на берегу сокровища?

– Да, доченька, обязательно поищем.

– А мы будем бросать в воду камешки и искать морских звезд во время отлива?

Я кивнула, прогоняя слезы. Кози походила и на меня, и на ее отца. Такая же неискоренимая оптимистка, она видела в людях только хорошее. И такая же решительная и целеустремленная. Пьер гордился бы нашей дочкой. Я дотронулась до золотой цепочки с бриллиантом, которую он подарил мне на свадьбу. Она напоминала мне о месяцах, которые мы прожили вместе.

Его смерть была внезапной, как и мамина, но, в отличие от мамы, он не болел. Через шесть месяцев после нашей свадьбы, когда я поняла, что беременна Кози, я проснулась от скрипа открывшегося шкафа. Зашуршала ткань – он натягивал брюки, звякнула пряжка ремня, стукнули каблучки. Зевая, я открыла глаза.

– Прости, солнышко, – сказал он. – Я не хотел тебя будить.

– Иди ко мне, – сонно позвала я. В тот вечер я собиралась сообщить ему новость о нашем ребенке. Первым делом я зайду к мяснику и выберу хороший стейк, который подам к его любимому блюду, *gratin dauphinois*, простой, но божественно вкусной смеси из слоев тонко нарезанного картофеля, чеснока, сыра грюйер и сливок. Я сотни раз видела, как его делала мама, но теперь впервые попробую приготовить его сама, в собственной кухне.

Я помнила, каким было его лицо в то утро. Запомнила навсегда. Такое красивое, в глазах страсть – не только ко мне, но и вообще к жизни. У Пьера было столько планов. Он открыл маленькую винную лавку на Монмартре и планировал открыть вторую, потом третью, а в конце концов стать самым успешным виноторговцем в Париже. После этого, говорил он, мы купим дом в Провансе и будем проводить летние месяцы возле бассейна с минеральной водой, дыша ароматом лаванды. Конечно, папа тоже будет с нами. Успех Пьера позволит моему отцу наконец-то дать отдых усталым артритным рукам. Одним словом, нас ожидали прекрасное будущее, красивая жизнь.

В то утро, полный любви и грандиозных планов, он вернулся ко мне в постель и приник своими губами к моим. Мое тело мгновенно отозвалось всплеском энергии, какой вызывает только лучший эспрессо. Ни один мужчина не пробуждал во мне такой страсти, как Пьер, и я иногда удивлялась, возможно ли вообще так сильно любить, как любила я.

– Не уходи, – попросила я.

– Я ненадолго, – ответил он, подмигнув.

– Но еще очень рано, – пробормотала я, плавая в туманной прострации между сном и явью, и посмотрела на часы. Половина седьмого. – Куда ты идешь в такой ранний час?

– Это сюрприз, – ответил он. – Поспи еще, любовь моя. Когда ты откроешь глаза, я уже вернусь, и ты все увидишь.

Как он и сказал, я закрыла глаза, и мое уставшее от недавней беременности тело моментально улетело в сон. Но когда я проснулась через час, Пьер еще не вернулся. Тянулись утренние часы, он не пришел домой и к полудню. Я возилась с обедом, к счастью, удачно приготовила гратен. Налила вино. Накрыла на стол. В начале седьмого по квартире разлились соблазнительные запахи. Но Пьер до сих пор так и не возвращался.

Охваченная паникой, я выбежала на улицу, заглядывала в ближайшие кафе, к парикмахеру на углу и к мадам Бенуа, которая уже закрывала свою пекарню. До сих пор у меня осталось в памяти пятнышко муки на ее щеке.

– Мне жаль, Селина, – ответила она, пожимая плечами.

Пьера никто не видел.

Потом раздался звонок. Никогда еще телефон не звонил так громко и пугающе. Я бросилась к нему, не теряя ни секунды. Конечно, это Пьер. Сейчас он сообщит, что заглянул в лавку, потому что пришла новая партия из Бордо. Его помощник Луи, молодой и неопытный, не умел пока расставлять бутылки по категориям на нужные полки, и Пьеру пришлось самому выполнить эту работу. Да, конечно, такова жизнь владельца бизнеса. Я прекрасно это понимала. Я буду чуточку раздосадована, но все пойму и попрошу как можно скорее сесть на велосипед и ехать домой. «Обед остывает! Я приготовила твоё любимое блюдо!» А он спокойно ответит: «Прости, что заставил тебя ждать, любимая. Ты не успеешь оглянуться, как я приеду». И через пятнадцать минут он появится в дверях, высокий, плечистый, со своей неотразимой улыбкой. Попросит у меня прощения и моментально получит его.

Но голос в телефонной трубке был чужой, не Пьера. Мне позвонил офицер полиции из шестнадцатого округа.

– С прискорбием сообщая вам, мадам, что ваш супруг...

Я плохо помню, что он говорил потом. Его слова казались мне пулями, но прилетали они в сто раз медленнее, чем обычно, – так медленно, что я чувствовала, как каждое слово пронзало мне грудь и разрывало сердце.

Тело Пьера было заклинено между грузовиком и новеньким серым «Рено». Когда его сбил грузовик, он слетел с велосипеда и ударился о легковушку. Медики сказали, что он умер мгновенно. Без мучений.

В тот вечер я вскочила на свой велосипед и поехала на ту улицу, где он сделал последний вдох. Там я упала на колени, увидев самую душераздирающую сцену в моей жизни: страшно искореженный велосипед валялся среди розовых лепестков пионов, рассеянных по булыжнику. Вероятно, они остались от огромного букета.

Сюрприз для меня.

Я потеряла маму, а теперь Пьера. В меня словно дважды ударила молния. После того вечера в моей жизни были темные моменты, когда мне казалось, что я больше не могу жить. Много раз я глядела вниз через край балкона, мечтая о быстром избавлении от невыносимой боли, и меня удерживала только маленькая жизнь, росшая у меня внутри. Папа помогал мне всем, чем только мог. Он кормил меня с ложки бульоном, когда я не могла есть сама, страдая от депрессии или дурноты. Он держал меня в своих объятьях, когда я плакала так, что намокал воротник его рубашки.

Но Кози, моя милая Кози оказалась целебной повязкой, в которой так отчаянно нуждалось мое сердце. С ней я смогла жить дальше, и я жила. Ради нее я просыпалась утром, о ней молилась перед сном. Благодаря ей я могла видеть красоту в каждом дне, даже в таком, как этот.

– *Bon après-midi*, – поздоровался Ник, наш рассыльный, появившись в дверях. Ему было лет двенадцать, и он был очень рослый для своего возраста. Приятный, работающий мальчишка, он работал в нескольких местах, в том числе в «Жанти» и в соседней пекарне, помогая своей семье сводить концы с концами.

Кози порозовела. Я знала, что она влюблена в него, но помалкивала, чтобы не смущать девочку.

– Сегодня нужно что-нибудь отнести, месье? – спросил он.

Папа кивнул и протянул ему цветочную композицию.

– Я побежал, – сказал Ник, улыбнулся моей дочке, погладил ее по голове и выскочил из лавки.

Кози сияла, глядя ему вслед, потом повернулась ко мне и дернула за фартук. Я поглядела на свою малышку.

– Можно я поиграю с парке с Алиной? – спросила она.

Папа озабоченно вскинул голову.

– Восьмилетнему ребенку не стоит играть в парке в такие времена. Ей...

– Все нормально, папа, – перебила я, пока он не сказал что-нибудь такое, что могло напугать дочку. Конечно, я разделяла его опасения за наш оккупированный город, но в то же время остро чувствовала, что Кози должна быть ребенком, жить открыто и беззаботно, насколько это возможно, даже если мир вокруг нас начнет рушиться на наших глазах. Несмотря на папины тревоги, я изо всех сил старалась оградить ее от страха. Ее жизнь спасла мою собственную и придала моему существованию новый смысл. Взамен я старалась раскрасить ее жизнь в цвета радости и счастья. Я устраняла тревоги, направляла свет туда, где сгушался мрак.

В парке с ней все будет нормально. Он сразу за углом. И какими бы жестокими ни были эсэсовцы, мы пока не слышали ни одной истории о том, что немецкий военный причинил зло французскому ребенку. В мире все-таки еще сохранилась порядочность, и пока она была, я буду верить в нее.

– Ступай, доченька, – сказала я, игнорируя папу. – Но к шести возвращайся. Будем обедать.

Кози поцеловала меня, выскочила из лавки, побежала вприпрыжку через улицу и скрылась за углом.

Папа недовольно что-то пробормотал.

– Что? – спросила я, прижимая руки к груди. – Ты не согласен с тем, как я воспитываю ее? Так и скажи.

Он долго молчал. Потом посмотрел на меня, и я увидела в его глазах нежность, а не возмущение.

– Просто я очень люблю ее, и тебя. Я не смогу... – Он замолк, справляясь со своими эмоциями. – Я не смогу... жить, если с вами что-нибудь случится.

Я подошла к папе, положила руки ему на плечи и поцеловала в обе щеки.

– Ох, папа, я знаю, что ты беспокоишься. Но ничего с нами не случится. Все будет нормально. Мы будем с тобой всегда.

– Ты такая же, как она, – улыбнулся он.

Я знала, что он имел в виду маму, и для меня это был лучший комплимент.

– Ты смотришь на все так же, как она. Всегда сквозь розовые очки.

– Так приятнее, – усмехнулась я.

Услышав звяканье дверных колокольчиков, предупреждающих нас о посетителе, мы обернулись. В лавку вошел незнакомый немецкий офицер, к тому же высокого ранга, судя по его нашивкам.

Ростом он был выше тех, которые обычно заглядывали к нам, под два метра, и необычайно широк в плечах. У него были темные волосы и квадратная челюсть. Глаза холодные, как сталь, а от фигуры падала грозная тень на пол нашей лавки. Я встретила его жизнерадостным *bon après-midi* точно так же, как всех наших клиентов. Это был мой личный бунт – я не заискивала перед немцами и относилась к ним с безразличием.

Он что-то буркнул мне, и я не торопилась с ответом.

– Чем я могу вам помочь? – спросила я наконец.

Он игнорировал меня и медленно обошел лавку, подозрительно проверяя каждый угол, словно шпионы сидели в наших цветах, прикрываясь лепестками. Он вытащил из вазы красную розу, понюхал и швырнул на пол. Мы с папой встревоженно переглянулись.

– Что случилось с розами? – спросил офицер на хорошем французском, хоть и окрашенном сильным немецким акцентом. Вопрос был обращен скорее к нему самому, чем к нам. Ни папа, ни я не осмелились ответить. – В Фатерлянде роза пахнет как... роза. Эти французские розы пахнут как говно. Французское говно.

Я раскрыла рот, но офицер опередил меня.

– А это? – спросил он, показывая на ведро с гортензиями, разными, лиловыми и розовыми. В это время года их было очень трудно найти, если у тебя нет контактов с лучшими садовниками на юге. – Что за дрянь?

– Гортензии, – ответила я. – Показать вам их в букете? Они мило выглядят с веточкой...

– Нет, – буркнул он и перевел взгляд на папу. Подошел ближе к прилавку, где стоял папа. Слыша его тяжелые, медленные шаги, я почувствовала, как меня бросило в жар. – Как ваша фамилия, месье?

– Клод Моро, – ответил папа. Если он и встревожился, то не подал вида. А у меня в груди бешено стучало сердце.

– Моро, – повторил офицер. – Правильная французская фамилия.

Папа молчал с бесстрастным лицом.

Офицер засмеялся каким-то своим мыслям.

– Фюрер любит французов, поэтому мы пощадили Париж. Скоро он будет тут жить, его резиденция будет недалеко отсюда. Французы, они, скажем так... особый народ. – Он повернулся ко мне. – И я могу добавить, что весьма привлекательные.

Меня начинала бить дрожь, и тогда папа нарушил молчание.

– Месье, если мы можем помочь вам с заказом, пожалуйста, назовите ваши пожелания, чтобы мы могли приступить к работе. – Это прозвучало как предложение услуги и одновременно как мужское предостережение. Если мы всегда настораживались, когда к нам в лавку заходили немецкие военные, то тут я впервые не на шутку испугалась.

– О да, – сказал он, глядя на папу, потом перевел взгляд на меня. Кажется, его что-то забавляло, что-то непонятное для нас с папой. – Вы можете мне помочь. – Он направился ко мне и остановился до неприятного близко. Протянул ручищу к моей ключице и провел пальцем по золотой цепочке, подарку Пьера. Потом улыбнулся папе. – Я возьму две дюжины этих говенных роз. – Захохотал. – Француженки их любят.

Я кивнула. У меня дрожали руки, когда я доставала розы из ведерка и несла их к прилавку, чтобы папа собрал из них букет.

– Как твое имя? – спросил у меня офицер.

Я поглядела на папу и снова на него. Я понимала, что нет выбора и мне придется ответить на его вопрос.

– Селина, – сказала я наконец.

– Селина, – повторил он за мной с наигранным удивлением. – Такое невзрачное имя у такой яркой и запоминающейся девушки. – Он на миг задумался, потом кивнул. – Для меня ты выглядишь скорее как Хельга, вот подходящее имя для очень красивой фройляйн.

Руки папы работали с молниеносной быстротой, и через считанные секунды он протянул букет офицеру.

– Это все? Или закажете что-нибудь еще? – спросил папа твердым – боюсь, что слишком твердым – голосом.

– Да, месье, – ответил немец, полез в карман и швырнул на прилавок пачку купюр.

– До свидания... Хельга, – сказал он, смеясь, и приложил пальцы ко лбу. Пошел к двери и опять обернулся к нам. – Я уже сказал, что ваша дочь красивая женщина, – покачал головой. – Жалко только, месье, что у вас такой большой еврейский нос.

Дверь с грохотом закрылась. Я подбежала к папе и обняла его.

– Как ты думаешь, он...

– Не беспокойся, – ответил папа. – Он просто пытался нас напугать. Они любят так делать, чтобы легче было держать всех под контролем. – Папа прижал меня к груди. – Не беспокойся, дочка. У него нет власти над нами. – С этими словами он повернулся к кассе и убрал деньги. Мы оба увидели, что офицер заплатил нам гораздо меньше положенного, но даже не стали это обсуждать.

Меня все еще сотрясала дрожь. Я протянула руку за жакетом.

– Я пойду за Кози и приведу ее домой. Мы пообедаем пораньше, – сообщила я.

– Хорошее дело, – одобрил папа. – И знаешь что, Селина?

Я повернулась к нему, остановившись на пороге.

– Будь осторожной.

Быстрым шагом я шла в парк искать дочку. Воздух был холоднее обычного, и я подняла кверху воротник жакета.

Теперь лето казалось мне таким далеким, словно его и не было. Папа был прав: наступала осень, хотим мы этого или нет.

Глава 3 КАРОЛИНА

Пять дней спустя

Я открыла глаза и моргнула, прогоняя ужасный сон. В нем были сирены и огни. Была кровь. Маленький ребенок. Я села на постели, хватая ртом воздух. У меня болело все тело.

Где я?

Белые стены и лампы дневного света жестко резали глаза, и я прищурилась, чтобы рассмотреть помещение, в котором я находилась: на полу казенный кафель, некрасивые, выцветшие шторы на окне, за которым виднелся незнакомый город. Хотя... я различила знакомые очертания. Арка... Триумфальная арка? И тут до меня дошло.

Париж. Господи, почему я в Париже? Но тут же в моем сознании всплыл еще более насущный вопрос – *КТО... я?*

Я перевела взгляд на свои руки, бледные, с редкими крапинками веснушек, незнакомые. Пальцы тонкие, с бледно-розовыми ногтями. Лак на большом пальце правой руки немного отслоился. Под ногтем грязь. Я заставила свою правую руку дотронуться до левой – кожа тоже казалась мне чужой, – потом села. Сердце колотилось от усилий. Я была на больничной койке.

– Алло? – крикнула я – кому-нибудь, кто мог меня услышать, а еще, пожалуй, самой себе. Я была растеряна, потеряна, абсолютно, тотально – чужая, незнакомая душа, оказавшаяся в ловушке чужого, незнакомого тела. Я знала лишь то, что я жива и что я... ну... в Париже.

В дверь вбежала стройная сорокалетняя женщина.

– Вы... проснулись, – сказала она, вытирая салфеткой губы и что-то проглатывая. Очевидно, я прервала ее ланч. Я не могла сказать, раздражена она или нет. Впрочем, говоря по правде, я не могла сказать... ну... жива я или нет. Я крепко закрыла глаза и тут же очутилась в каком-то другом месте, на каком-то другом уровне сознания, где пассатные ветра теребят кроны пальм и пальмовые листья-перья шуршат так, как могут только они. Совсем другое дело, когда ветер обрушивается на кроны вечнозеленых деревьев, – тогда он зловеще гудит и воет, проталкиваясь сквозь жестколистый лес. Но это? Этот звук какой-то электрический. Он вибрирует в ушах. Звук чего-то назревающего. Звук из моего прошлого и звук чего-то, что вот-вот *произойдет*.

Теньканье ветряных колокольчиков, плач маленькой девочки... Я открыла глаза, мое сердце учащенно билось.

– Мадам, – сказала женщина в белом, стоя надо мной. – Мадам, вы *проснулись?*

Я моргала, моргала.

– Что произошло? Почему я тут?

– Вы попали в аварию. – Я заметила, что у нее высокие скулы, тонкие, выщипанные брови и веснушки на переносице. А еще сильный акцент, и я напрягалась, чтобы разобрать ее слова. – В страшную аварию.

Я попала в *страшную аварию?*

В палату вошла другая женщина; у этой величественная осанка, темные волосы гладко зачесаны назад.

– Привет, – сказала она тоже с сильным акцентом и села на стул возле меня. – Мы рады, что вы проснулись и пришли в сознание.

Я схватила ее руку и сильно стиснула.

– Пожалуйста, скажите мне, кто я. Расскажите, что со мной случилось. Как я попала сюда?

– Я врач, – сообщила она. – Вы находитесь в больнице Питье-Сальпетриер в Париже. Вы ехали на велосипеде, и вас сбил грузовик. Травмы серьезные – но насколько, мы еще не знаем. – Она дотронулась ладонью до моей руки и впервые улыбнулась; ее белые зубы сверкали в лучике света, отразившегося от оконного стекла. – Но это хороший знак – то, что вы пришли в себя. Очень хороший.

– Травмы? – спросила я, садясь. Я не знала, зима сейчас или лето. Понедельник или пятница. Хорошая я, как человек, или плохая. Я ничего не знала. Абсолютно ничего.

Докторша кивнула.

– Вы не приходили в сознание пять дней.

Я пошевелила руками и ногами.

– Меня не парализовало.

– Нет, – ответила она, наклоняясь ко мне. – Но у вас большая мозговая гематома, которая, судя по сканам, уменьшается. Скажите мне, что вы помните?

Я тяжело вздохнула, пытаясь отличить реальность от сна.

– Я... Я не знаю... – пробормотала я. У меня пересохло во рту. В голове пульсировала боль.

– Это ничего, – успокоила меня докторша. – Память – странная штука. Она может возвращаться по крошечным фрагментикам, а может и огромной волной, или... – Она замолкла и поглядела в окно.

– Или что?

Она покачала головой.

– Или вообще может не вернуться.

– Ой! – Я посмотрела на тонкое золотое кольцо на среднем пальце моей левой руки. *Кто я такая?*

– Мы поможем вам вернуться к нормальной жизни, – пообещала докторша.

Моя жизнь. *Какая она?*

– Парамедики подняли вашу сумочку на месте происшествия, – сообщила докторша. – Мы позвонили по некоторым из ваших телефонов, но пока не узнали ничего конкретного, только то, что вы живете на улице Клер. Когда вам станет лучше, сотрудники больницы отвезут вас туда.

Я хмуро кивнула, прогоняя непрошеную слезу.

– У меня есть... семья?

Докторша пожала плечами.

– Мы не нашли в Париже никого из ваших близких. По всей видимости, вы жили одна. – Она встала. – Я понимаю, как вам сейчас тяжело и страшно, – добавила она. – Но вы должны прежде всего радоваться, что остались в живых. Многим не везет так, как вам, в подобной ситуации. Для вас это подарок.

Сиделка протянула мне стакан воды и лекарство. Я проглотила его, запила водой и закрыла глаза. Женщины ушли.

Мне абсолютно не казалось, что я получила подарок. По моим ощущениям, я очутилась в каком-то кошмаре.

Еще через три дня

– Вы очистили свое сознание, – с улыбкой сказала сиделка – Эме. Я с удовольствием с ней общалась после моего пробуждения от того странного провала. Каждую ночь меня мучили кошмары – мне снилась авария, которая, вероятно, стерла жесткий диск в моей голове. Сон повторялся – я ехала на велосипеде вниз по извилистой улочке, встречный грузовик преградил мне проезд, а впереди шла женщина с маленькой девочкой. Доктор Леруа говорила мне каждый день, что ко мне вернется память, но пока что это было все, что я помнила. И хотя я могла

перечислить все цвета радуги, дни недели или назвать фамилию шестнадцатого президента Соединенных Штатов, но о своей прежней жизни я не помнила ничего.

Мать и дочка уцелели, я с радостью услышала об этом. Вчера днем, когда я спала, они принесли мне в больницу цветы. Желтые розы. Их зовут Клодин и Жанетта. Двухлетняя Жанетта нарисовала мне картинку, и по какой-то необъяснимой причине я зарыдала, увидев ее, да так бурно, что Эме спешно дала мне валиум.

– Должно быть, вы были шикарной леди, – сказала с улыбкой Эме, протягивая мне черную кожаную сумочку.

– Шикарной леди?

– Да, – сказала она, показывая эмблему на боку сумочки. *Моей* сумочки. – «Шанель».

– О, – удивилась я, проводя ладонью по стеганым ромбикам и разглядывая золоченую пряжку в середине. – Так что же я... сноб?

– Нет-нет, – засмеялась Эме. – Просто у вас хороший вкус.

Да и мой адрес оказался нехилым. По моей кредитной карточке, как сказали мне сотрудники больницы, нашли большую квартиру с видом на Эйфелеву башню на престижной улице Клер; кажется, я арендовала ее уже три года. Полиция ходила туда, чтобы сообщить о несчастье моим родственникам, но никого не нашла. Опрос соседей завершил мой портрет. Я жила одна и редко куда-нибудь ходила. И вообще, они меня почти не знали.

– Я не понимаю, – сказала я Эме. – Я американка, живу в Париже в роскошной квартире, у меня шикарная сумочка. Почему же у меня нет ни семьи, ни друзей?

– У вас наверняка есть семья... где-нибудь в другом месте, – успокоила она меня. – А среди соседей нет друзей, потому что в таких домах чаще всего живут старики, которым нет дела ни до кого, кроме их карликовых пуделей и таксидермии. – Я представила себе висящие в квартирах рога, а она продолжала: – Бабушка моего друга живет рядом с вами. В апреле я была у нее на ланче, и она заявила, что ей не нравятся мои волосы. – Она замолчала и пригладила выбившийся завиток волос. – Может, вам просто не хотелось заводить знакомство с такими людьми?

– Возможно, – согласилась я, но внезапно испугалась. – Эме, а вдруг я тоже такая, как те люди?

– Нет, что вы! – возразила она.

– Скажите мне правду... – Я поглядела ей в глаза. – Я похожа на вздорную особу?

– Нет, – уверенно заявила она. – Вздорные люди никогда не спросят о том, вздорные ли они.

Я вымученно улыбнулась.

– Пожалуй, вы правы.

– Вот. – Она протянула мне пластиковую сумку. – Ваша одежда пострадала от падения, и я принесла из дома свою. Мы с вами примерно одинаковые ростом, и я подумала, что вы подберете себе что-нибудь из этих вещей. – Она улыбнулась. – Конечно, тут все скромное, но мы не можем отпустить вас домой в больничном.

– Ой, спасибо.

Я выбрала себе серый свитер, черные легинсы и бежевые хлопковые трусы, а Эме протянула мне белый спортивный лифчик.

– Надеюсь, он вам будет в самый раз, – сказала она и отвернулась, чтобы не стеснять меня. – Вы чуточку пышнее меня в этом месте.

Я усмехнулась, сбросила с себя больничную рубашку и осталась голышом. Я видела свое тело только частями, после того как пришла в сознание. Стройные, сильные ноги (доктор Леруа предположила, что я занималась легкой атлетикой, бегом), крепкий живот со старым шрамом, полная грудь с крупными сосками и сильные, изящные руки. Это я.

Я провела ладонью по светлым волосам, потом, держась за койку, надела трусы и легинсы. Влезла в бюстгальтер и натянула через голову свитер.

– Спасибо, – поблагодарила я, оглядывая свой наряд, когда Эме повернулась ко мне. – Вы... невероятно добры.

Я открыла сумочку от «Шанель» и порылась в ее содержимом. Увидела красную помаду, немного наличных, какой-то рецепт, номер телефона, нацарапанный на салфетке, и пачку жевательной резинки.

– Готовы? – Эме посмотрела на меня и взялась за ручку двери.

Я покачала головой.

– Эме, – сказала я, – как меня зовут?

– Я ждала, что вы спросите, – улыбнулась она. – Каролина. Вас зовут Каролина Уильямс.

Тяжело вздохнув, я вышла следом за ней из палаты и зашагала по коридору навстречу жизни, о которой ничего не знала. Мое сердце тревожно билось в груди.

Я Каролина Уильямс.

– Вот мы и на месте. – Клемент, сотрудник больницы, показал в окошко автомобиля на импозантное здание. – Это ваш дом.

– Правда? – недоверчиво спросила я, дотронувшись до оконного стекла, и обвела глазами старинное здание из серого камня с причудливой лепниной, слуховыми окнами и маленькими балкончиками с коваными узорами на решетке. Париж... да что там – квинтэссенция Парижа! Неужели это правда мой дом?

– Да, мадемуазель. – Он вышел из машины с бумажной сумкой в руке и помог мне открыть дверцу.

– Но он такой...

– Шикарный? – спросил он с улыбкой.

Я кивнула.

– Да, вы правы. Один из самых знаменитых парижских домов.

Я покачала головой и вздохнула.

– Как же я сюда попала? – пробормотала я сама себе.

Клемент с беспокойством повернул ко мне лицо.

– Вы точно готовы... – он замолчал, подыскивая подходящее английское слово, – ассимилироваться? – Я недоуменно подняла брови, а он поправил на носу очки в тонкой металлической оправе. – Доктор Леруа сказала, что вы...

– Что она сказала... – спросила я, но онемела, услышав свой испуганный, полный отчаяния голос. – Простите. – Я тяжело вздохнула. – Просто я так...

– Растеряны, – договорил он за меня. – Я понимаю. Но теперь вы дома. Я помогу вам устроиться.

Я вошла за ним в вестибюль, и маленький лифт рывком повез нас наверх, когда Клемент нажал на кнопку четвертого этажа.

– Вот мы и пришли, – сообщил он и вставил ключ в замок. Дверь открылась с легким скрипом, приглашая в дом, совершенно для меня чужой. Мой спутник щелкнул выключателем.

– О! – Я провела ладонью по классной и современной софе из синего бархата – со стеганой обивкой и бронзовыми ножками. – Это... очень мило.

– Еще бы. – Клемент улыбнулся.

Квартира была просторная, но с минимальным декором, отчего казалась еще больше, но в то же время навевала ощущение одиночества. Три больших окна в гостиной выходили на балкон. Я ожидала увидеть там растения в горшках и парочку стульев, но когда отперла три щеколды и распахнула французские двери, то увидела лишь испуганного голубя, который тут же улетел.

– Странно, – пробормотала я. – Тут приятно сидеть. Почему я держала балкон закрытым и пустым, словно боялась на него выходить?

Клемент пожал плечами.

– Не знаю. Моя жена умерла бы от радости, если бы у нее появилось столько места для цветов. – Он показал на уголки балкона. – Она использовала бы тут каждый сантиметр.

Почему же я так не делала?

Я прошла по всей квартире, занимавшей правую часть верхнего этажа дома. Тут были три спальни. Две пустовали, третья, вероятно, была моя. Я села на огромную кровать. Одеяла были так туго натянуты и так аккуратно заправлены по краям, что я испугалась, что нарушу идеальный порядок, когда встану, словно это могло как-то огорчить ту, прежнюю меня.

– Кажется, ванная находится за холлом, а кухня за ней, – сказал Клемент.

Я с облегчением повернулась к нему, пользуясь этой отсрочкой, чтобы не открывать комод. *Почему я так боялась заглянуть в ящики?* Они мои, во всяком случае, мне так сказали. Но все-таки я почему-то была не готова или не чувствовала себя вправе рыться в самом личном, что было в *моей* жизни. Какие лифчики я носила? Обладала ли я чувством стиля? Может, в каком-нибудь носке спрятаны письма или тайная фотка бывшего любовника?

– Я оставляю вам сумку с продуктами, – сообщил Клемент, неловко кашлянув. – Одна из сиделок сходила на рынок и купила для вас кое-что из еды на первое время. – Он поставил сумку на деревянный пол. Из нее торчал багет.

– Спасибо, – поблагодарила я со стесненным сердцем.

– Если вам что-нибудь понадобится, – сказал он, снова поворачиваясь ко мне, – просто позвоните в больницу или доктору Леруа.

Тяжело вздохнув, я кивнула.

– У вас все будет нормально, – заверил он с улыбкой, которая меня мало успокоила.

Часы тикали где-то вдалеке. Я села на софу, потом снова встала и прошла по гостиной, рассматривая странную, но все-таки жутко знакомую картину на стене – вероятно, изображение калифорнийского дворика: бассейн в окружении пальм и чаша с лимонами на деревянном столе. Я дотронулась до уголка картины, словно жалея, что она не умела говорить. Может, эта картина что-то значила для меня?

Я вздохнула. Все вызывало знакомые ощущения. Фрукты на кухне. Тиканье часов на стене. Запах мыла в ванной. Я не помнила их, но все-таки догадывалась, что должна их помнить.

Я решила еще раз осмотреть квартиру. С чего мне начать? Я чувствовала себя словно при переезде в новое жилье, когда грузчики кладут последние коробки и уходят, оставив тебя наедине с твоим багажом. Я была парализована непосильной задачей – мне предстояло распаковать мою жизнь, и я стояла в растерянности и не знала, с чего начинать. С кухни? Со спальни?

Внутри всех невидимых коробок лежали воспоминания, которые нужно распаковать. Мне предстояла большая работа, но я боялась. Я отступила к софе, легла, положила голову на подушку. У меня отяжелели веки, я закрыла глаза. Завтра все будет не так туманно, завершила я себя, надеясь в душе, что я не ошибалась.

Глава 4 СЕЛИНА

8 сентября 1943 г.

Я сидела за туалетным столиком, глядела на себя в зеркало и заметила под глазами новые морщинки. Мое лицо было уже не такое свежее и девичье, как тогда, когда я вышла замуж за Пьера; скоро мне уже тридцать три года. Иногда я задумывалась о том, что он мог бы сказать обо мне сейчас, без малого через десять лет. После его ухода из жизни так много изменилось – к лучшему и к худшему. Родилась дочка, о которой он даже не узнал; наш город переживал ужасы оккупации, а в моем сердце медленно и робко зрело желание любить.

Люк. При мысли о нем мои губы расплылись в улыбке. Какое-то время я прогоняла от себя эти чувства по той или иной причине (память о Пьере, Кози, война), но теперь я испытывала готовность – более того, настойчивое желание сказать ему о них, пока не поздно. Но ответит ли он мне взаимностью или сочтет мое признание глупостью?

Я схватила тюбик помады, тщательно покрасила губы и бросила заключительный взгляд в зеркало, потом взбила подушки на моей кровати.

В этой квартире мы с папой жили уже много лет, с нашего переезда в Париж. Ее не назовешь роскошной, но она была просторнее многих, с двумя спальнями и солнечной гостиной, выходящей на улицу Клер. Папина спальня служила ему одновременно и кабинетом. Окна нашей с Кози спальни выходили в садик в переулке между домами, где мы с Кози сделали несколько грядок. В этом году у нас уродились салат и морковь, а еще брокколи (хотя Кози воротила от нее носик). Весной у нас вырос такой роскошный горох, что папа даже отщипывал иногда побеги для особенно изысканных цветочных композиций. Одним словом, что бы там ни творилось в мире, какая бы темная тень ни падала на наш город, я всегда находила странное утешение при мысли о том, что если ты сажаешь семя в землю и оно получает солнечный свет и воду, то из него что-нибудь точно вырастет.

Все эти годы наша квартира тоже была для нас отрадой и утешением. Когда папа впервые увидел ее и оценил ее удобное местоположение, он сразу понял, что она станет нашим домом. Его требования были простыми: солнечная сторона, чистота и балкон, где он мог пить кофе по утрам. Мы больше не могли наслаждаться запахом моря и слушать, как чайки кричат свои утренние приветствия; ничто не могло заменить нам Нормандию, и все же наше скромное парижское жилище было по-своему неповторимым и замечательным.

В те годы на улице Клер селились люди со скромным достатком. Но через двадцать лет ее популярность значительно выросла, и это сразу заметили немцы. После оккупации Парижа по соседству с нами поселились офицеры высокого ранга. И хотя пока еще не был выселен из своей квартиры ни один собственник-француз, без жилья остались многие семьи иммигрантов, в том числе жившие по соседству с нами поляки и евреи.

В мае я с ужасом наблюдала, как из дома напротив бесцеремонно выселяли семью с четырьмя детьми – маленьким мальчиком и тремя девочками, одна училась вместе с Кози. Я спешно отвела дочку в папин кабинет и включила радиоприемник, чтобы она не слышала, как падали на булыжную мостовую фарфоровые тарелки, стеклянная посуда и семейные реликвии, как разлетались их осколки. Мое сердце болезненно сжималось от истеричных криков матери, терявшей все, что она бережно хранила много лет. Никогда не забуду, как немецкий солдат, совсем молодой парень, вырвал из рук малыша его любимого медвежонка. Этого мальчугана, в твидовой шапочке и коротких штанишках, я иногда встречала на рынке с матерью и всегда

играла с ним, говорила ему «ку-ку» и делала козу – мне нравилось, как он прятал личико за этого медвежонка, совсем как когда-то Кози.

От нашего клиента, жившего на верхнем этаже того дома, я узнала, что отца отправили поездом куда-то далеко в трудовой лагерь, про такие лагеря писали иностранные газеты, которые распространяли по городу отчаянно смелые люди из Сопротивления. Мать с детьми, кажется, отправили на другой конец города в еврейское гетто, где, как мы слышали, грязь и антисанитария. У нее были кроткие глаза, у матери. Я с болью в сердце думала сейчас о ней. Увидит ли она когда-нибудь мужа? Могу ли я или кто-нибудь еще чем-то ей помочь?

Зло расплзлось по Парижу, подобно раковой опухоли. И хотя еще были силы жить дальше – посылать утром детей в школу, напевать любимую мелодию, крутя педали велосипеда, печь хлеб, играть на пианино, собирать из цветов букеты и бутоньерки, возвращаться домой к комендантскому часу, – все это казалось неправильным, когда на твоих глазах рушились чьи-то жизни. Честно ли продолжать обычную жизнь, когда другие люди не имеют на это права?

У меня не было ответа на мои сомнения и не было возможности что-то сделать. В тот день в мае я предложила папе рискнуть и приютить у нас ту семью. Он отверг мою идею, хотя и сочувствовал несчастным.

– Я не стану рисковать вашей безопасностью, – заявил он и, пожалуй, был прав. Но все же мое сердце не переставало болеть за ту семью с детьми и за тысячи других таких же, как они.

– Люк скажет, что ты сегодня очень красивая, – сообщила мне Кози, заглянув в дверь. На ее мордашке сияла улыбка, дочка не подозревала, какие тревожные мысли роились в моей голове. Она прыгнула на кровать, смяв бархатное покрывало, которое я поправила минуту назад. Когда я вернусь вечером домой, она уже будет крепко спать в моей постели, обняв своего потертого медведя, месье Дюбуа (в трехлетнем возрасте она сама придумала ему такое звучное имя), в ворохе сбитых простыней. Моя Кози спала так же беспокойно, как и ее папа.

Кози обожала Люка, а Люк тоже был без ума от нее. Мы с ним были знакомы давным-давно, еще до Пьера, и это странно. Вообще-то, мы с ним вместе учились. Спокойный и добрый, он не походил на других мальчишек, которые дразнили меня и моих подружек на школьном дворе, гонялись за нами и дергали за косы так, что мы кричали. Люк был другим. Однажды зимой я подвернула ногу, и он сказал, что будет носить мой портфель в школу и из школы. Я, конечно, не согласилась, зная, что надо мной будет смеяться моя лучшая подруга Сюзетта, злившаяся в тот момент на всех ребят, но потом жалела, что мне не хватило смелости принять его предложение.

Потом он уехал из Парижа, окончил университет, работал в Лондоне и вернулся два года назад. В нашу цветочную лавку он пришел с пирожным для Кози и пригласил меня в ресторан. Это был все тот же Люк с его ласковой улыбкой, каким я помнила его с детства, но прожитые годы выковали из него привлекательного мужчину, и при виде него у меня учащенно забилось сердце.

В тот вечер мы поужинали с ним, через неделю опять, а потом еще. Мы стали регулярно видеться, и я полюбила наши регулярные встречи с Люком. Единственный сын мадам Жанти, хозяйки «Бистро Жанти», он отказался продолжать семейный бизнес и стал высокопоставленным сотрудником французской полиции. Рядом с ним я чувствовала себя в безопасности и любила наши беседы обо всем на свете, от детских воспоминаний до постыдного положения Франции. Как и я, Люк всей душой сочувствовал тем страдальцам, и мы без конца обсуждали с ним, что мы можем сделать. И хотя мои чувства к нему всегда были искренними и настоящими, иногда я не знала, как мне быть. К чему приведут наши встречи? Я дорожила нашей жизнью втроем, с папой и Кози, и мне не хотелось разрушать наш дом из-за того, что я проявила эгоизм и снова полюбила. А Люк наверняка захочет жить своей собственной семьей. Могу ли я дать

ему это? А если да, то честно ли это по отношению к нему, если он может обойтись без всех этих сложностей, женившись на другой женщине, которая принесет ему больше счастья, чем я?

Пожалуй, поэтому я так долго боялась дать волю своим чувствам и уводила наши беседы подальше от сердечных тем.

– Ты видел, что мадам Тулуз покрасила свою дверь зеленой краской? Как нелепо!

Люк оставался для меня загадкой. Он был необыкновенно терпелив, и я видела, что я ему очень нравлюсь, хоть он и не говорил мне об этом. Иногда наши глаза встречались, когда мы сидели за столиком или на вечерней прогулке, и тогда мне казалось, что я угадываю его мысли обо мне: что я могу бродить по улицам Парижа (или мира) до конца жизни и никогда не найду пристанища для моего сердца. Впрочем, может, он так и думал, но никогда не говорил об этом. Вероятно, мы оба ждали, когда кто-то из нас раздвинет занавеси, отгораживающие наши сердца. Во всяком случае, каждую неделю я надевала красивое платье, слегка подкрашивала губы красной помадой, и мы ужинали вместе.

Я вздохнула и в последний раз поглядела в зеркало на свои высокие скулы и новые морщинки вокруг глаз. Что нашел во мне Люк? Мне уже тридцать два года, я уже не молодая девушка. Не успеешь глазом моргнуть, как будут все сорок. Конечно, он, с его внешностью и положением в обществе – не говоря уж про его семейный бизнес, – мог выбрать себе любую женщину, и каждая охотно выйдет за него замуж.

– Как ты думаешь, Люк принесет мне шоколадку? – спросила Кози.

Ответ был всегда «да», и когда через пять минут зазвенел дверной колокольчик, вошел Люк, красивый и элегантный, держа в руке, как всегда, две плитки темного шоколада, завернутые в золотую фольгу.

– Одна шоколадка тебе, – сказал он Кози, – а другая для месье Дюбуа.

Она обняла его, и это всегда сопровождалось моим напоминанием почистить зубы и лечь спать в половине восьмого. Папа кивнул Люку, сидя в кресле возле камина, потом мы ушли. Как всегда, в «Жанти» нас уже ждал столик со свечами. Пока весь мир тонул в неопределенности, я находила утешение в определенности *этого*.

– У тебя новое платье? – спросил Люк.

– Нет, – улыбнулась я. – Просто я давно его не надевала.

За дальним столиком я заметила его мать, мадам Жанти, беседовавшую с шикарными дамами в шикарных шляпках. Если она и видела меня, то не подала вида. Для меня не секрет, что она не одобряла интерес Люка ко мне. Понятное дело, она рассчитывала, что ее единственный сын, наследник немалого семейного богатства, возьмет в жены женщину из богатой и влиятельной семьи и не будет тратить время на вдовую дочь простого флориста, да еще с восьмилетним ребенком.

С необыкновенным восьмилетним ребенком, возразила бы я, и тут же у меня в ушах зазвучал голос дочки: «Мне уже почти девять!» Конечно, она стала так говорить уже через неделю после своего дня рождения, но все равно. Моей малышке, родившейся с древней душой в самом хорошем смысле, действительно двадцать третьего исполнится девять лет.

Когда я по нашей традиции в первое воскресенье каждого месяца приводила ее в «Бистро Жанти», она первым делом находила Ника, нашего посыльного, который помогал здесь на кухне и за барной стойкой. Она робко махала ему рукой, потом шла к миниатюрной нише к стене, про которую рассказывал ей Люк. Там на двери был написан французский детский стишок, а сценка изображала зверюшек и воздушный шар, наполненный горячим воздухом. За той дверью Люк, когда был мальчиком, держал свои самые любимые игрушки. Узнав об этом, Кози была мгновенно сражена. Теперь Люк с помощью Ника оставлял там маленькие сюрпризы для нее – и, конечно, для месье Дюбуа: то красную атласную ленточку для волос куклы, то роскошный апельсин с рынка или мятный леденец. Что бы он ни положил туда, Кози приходила в восторг, чего не скажешь о мадам Жанти.

Люк был преданным и любящим сыном, но одна вещь не вызывала сомнений: его ничуть не интересовали материнские амбиции и он не скрывал свою привязанность к Кози и ко мне и не чувствовал себя виноватым.

– Селина? У тебя все в порядке? – спросил он, когда я не ответила на его вопрос.

Я подняла глаза и заставила себя улыбнуться.

– Сегодня ты какая-то задумчивая.

– Извини, – сказала я. – Пожалуй, я просто немного устала. Неделя была хлопотная, вот и все.

– Ну, устала или нет, но ты сегодня просто картинка.

– Спасибо, – поблагодарила я и робко опустила глаза.

Подошел официант, они с Люком обменялись дружескими фразами. Люк, как всегда, внимательно изучил меню и заказал, как всегда, бутылку бордо, лучшего вина в меню.

– Прекрасный выбор, – сказал официант. Он был новичок и, очевидно, не знал, что Люк – сын мадам Жанти. – И вовремя сделан, потому что больше этого выдержанного вина в меню не будет.

– О, неужели? – удивился Люк.

– Да, – ответил официант. – Я точно знаю, что осталось только четыре ящика.

У Люка сверкнули глаза. Я вспомнила, как несколько недель назад он говорил, что его мать заказала у знакомого виноторговца именно это вино в достаточном количестве и мы сможем наслаждаться им по крайней мере до Рождества, что для военного времени очень неплохо.

– Вы уверены в этом? – спросил Люк.

Официант кивнул и наклонился ближе к нам.

– Мадам Жанти продала на днях большую часть запасов немецкому офицеру, – сообщил он вполголоса. – Для его вечеринок.

Люк нахмурился и бросил взгляд на столик матери, а официант в это время налил нам воду. Люка давно беспокоили ее связи с немцами. Поначалу он мирился с этим, считая, что это необходимо, чтобы сохранить бизнес, и это можно было как-то понять. Но потом он с огорчением узнал, что регулярные клиенты были перемещены с их привычных столиков в угоду подгулявшим компаниям немецких солдат. Еще им давали лучшие порции мяса, хотя они частенько «забывали» платить за услугу. Но теперь опасения Люка усилились, особенно когда вчера он узнал, что его мать участвовала в карнавале вместе с высокопоставленными персонами Третьего рейха.

– Спасибо за сообщение, – говорил Люк официанту. – Я обязательно поговорю об этом с матерью. Нельзя отдавать немцам наши лучшие вина. – Он улыбнулся. – Что мы будем пить тогда сами?

Официант попятился и нервно вытер лоб носовым платком.

– Простите, месье, – забормотал он. – Я... я не знал, что вы сын мадам Жанти.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – успокоил его Люк. – Я рад, что вы сказали мне об этом. – Он подмигнул. – И я не скажу ей, что это были вы.

– О, благодарю вас, месье, – сказал парень. – Большое вам спасибо. Просто... моя жена ждет третьего ребенка, и мне нужна эта работа.

– И вы сохраните ее, – пообещал Люк с такой добротой, что у меня сжалось сердце. – А теперь отыщите для нас еще бутылку этого вина, пока оно еще есть.

Столик мадам Жанти был слишком близко от нас, и мы не рискнули обсуждать и дальше эту тему, поэтому вернулись к нашему привычному ритму. Но сегодня все шло как-то по-другому. Когда я посмотрела в глаза Люка чуть дольше обычного, он почему-то занервничал. Он дважды ронял нож для масла и опрокинул локтем стакан с водой.

– Селина, – сказал он наконец. – Мне... мне нужно поговорить с тобой об очень важной вещи.

Я осторожно кивнула и сделала большой глоток вина. Из-за неяркого света я не могла разглядеть выражение его лица. Может, он беспокоился? Сердился? Чувствовал какую-то опасность?

– Селина, скоро мне придется уехать из Парижа на тренинг с... подразделениями полиции. Меня не будет месяц, возможно, дольше.

– О, и это все? – улыбнулась я. – А я уж испугалась, что ты сообщишь мне что-нибудь более... серьезное.

Люк не разделял мой оптимизм. У него было мрачное, сосредоточенное лицо.

– В Париже с каждым днем становится все опаснее, – продолжал он почти шепотом. – На прошлой неделе капитан из моего департамента был уволен с должности, и его забрали. Его жена и дети с тех пор ничего о нем не слышали. Сегодня на его место прибыл новый сотрудник, выбранный немцами. Меня постепенно охватывает страх.

– Подожди, – сказала я, – но с тобой ведь такого не случится, правда? Тебя не увезут...

– Нет, нет, – заверил он меня. – То есть, да, ездить по стране сейчас тоже опасно, но я говорю не об этом и беспокоюсь не за себя. Я беспокоюсь за вас с Кози, вы останетесь одни.

– Но у меня есть папа, – бодро заявила я. – У нас все будет нормально.

– Да, но вдруг что-то случится? Что, если они узнают о...

– Люк, не говори об этом ни здесь, ни где-нибудь еще, – оборвала я его. У меня горели щеки. Люк всегда говорил, что в ресторанах у стен есть уши, и я начинала верить этому. Я покосилась на столик справа от нас и прикинула, могла ли нас подслушать сидевшая там пара, но с облегчением увидела, что им сейчас не до нас – они яростно спорили.

– Извини, – продолжал он. – Я не могу ничего с собой поделать, я ужасно беспокоюсь за вашу безопасность. Я хочу, чтобы у вас все было хорошо. Я хочу... – Он взял меня за руку, и я позволила ему это.

Мне хотелось сказать ему так много всего, но в этот момент я могла лишь прошептать его имя. Люк. Слезы жгли мне глаза.

– Селина, – прошептал он и еще крепче сжал мою руку, и в это время в ресторан ворвалась волна холодного воздуха. Я оглянулась через плечо и увидела группу немецких офицеров, полдюжины, не меньше. От их темно-серых шинелей в зале стало еще темнее.

Я не успела снова повернуться к Люку, как один из офицеров, самый рослый, заметил меня, и у меня встали дыбом волосы. *Это он – тот человек, который приходил в нашу лавку.*

Прежде чем я успела объяснить это Люку, офицер подошел к нашему столику. Люк встал – французские офицеры полиции были обязаны выражать уважение перед немцами.

– Добрый вечер, месье, – сказал он. – Простите, мы знакомы?

Офицер усмехнулся.

– Нет, но я знаком с вашей дамой. – Он глядел на меня как на качественный стейк, который ему подали на тарелке под выпуклой, прозрачной крышкой.

Люк с недоумением поглядел на меня, потом опять на офицера.

– О да, здравствуйте, – сказала я как можно спокойнее и вежливее. – Люк, я обслуживала на днях этого господина в нашей лавке.

– Точно, обслуживали, – усмехнулся офицер и протянул руку к недопитому вину Люка. – Можно попробовать?

Приняв молчание Люка за согласие, сделал глоток.

– Очень приятное, – одобрил он, поставив бокал. – Я недавно увез грузовик этого винтажа у вашей матери. – Он обвел взглядом быстро с его фирменными темно-красными стенами и полированной бронзовой окантовкой. – У нее отменный ресторан. Один из лучших в Париже.

– Да, – подтвердил Люк. Его голос звучал ровно и без эмоций.

– Что ж, – сказал офицер, отойдя на шаг и переключив выражение лица, как это мог делать только очень хороший актер. Только что пугающий и грозный, теперь он стал даже

любезным. – Оставляю вас с вашей очаровательной подружкой. – Он смерил меня долгим взглядом и снова обратился к Люку: – Вы счастливый мужчина.

Люк кивнул с мрачным лицом.

Офицер подал ему руку.

– Курт Рейнхард.

– Люк Жанти.

– Да, я уже это знал, – сказал офицер таким тоном, что у меня пробежала по телу дрожь.

Мы молчали, а офицер и его спутники подошли к столику мадам Жанти. Нам не было слышно, о чем они говорили, но мы видели ее оживленное лицо, словно к ней зашли Граучо Маркс и другие представители голливудской элиты.

Когда через несколько минут немцы ушли, весь ресторан вздохнул с облегчением, даже его стены.

– Не к добру это, – заметил Люк.

Хотя встреча оставила у меня во рту скверный привкус, я не хотела, чтобы Люк тревожился еще сильнее.

– Давай выбросим тот инцидент из головы, не позволим ему испортить наш вечер, – сказала я. – Ничего особенного – какой-то офицер узнал меня, потому что покупал у нас цветы. Все они так делают.

– Нет, – возразил Люк. – Этот не такой, как все.

– Конечно, – продолжала я. – У него эго размером с Эйфелеву башню, но...

– Нет, – перебил он меня. – Я видел на прошлой неделе, как он в девятом округе избил старушку.

У меня перехватило дыхание.

– Ты уверен, что это был он?

– Уверен. Когда он уехал, я отвез ту женщину в ближайшую больницу. Она была вся в синяках с головы до ног, и сломана ключица.

Я покачала головой.

– Почему же он...

– Избил ее? – Люк вздохнул. – Может, потому что не так посмотрела на него. Или ему не понравился цвет ее платья. Не знаю. Знаю лишь одно. Эти люди уверены, что им тут принадлежит все. – Он прищурился и посмотрел мне в глаза. – Вот почему я беспокоюсь за тебя. А этот немец? – Он нахмурился. – Ведь ты не хочешь, чтобы он положил на тебя глаз?

Я кивнула.

– Что же мне делать?

– Тебе надо быть как можно незаметнее, а теперь еще больше прежнего, – продолжал Люк. – Как можно реже выходи из дома. Может, пусть твой отец один поработает в лавке несколько месяцев, или хотя бы никогда не оставайся там одна.

– Но это невозможно, – возразила я. – Папа один не справится с его артритом и...

– Справится, – сказал Люк.

Я вся дрожала и прогоняла слезы, чтобы никто не заметил мой страх, сковавший меня тернистой лозой.

Люк крепко обнял меня, когда провожал домой, и часто оглядывался через плечо. Вместо того чтобы попрощаться с ним возле дома, как мы всегда делали, я пригласила его зайти, и он пошел за мной по лестнице. Папа и Кози давно спали, я слышала негромкий храп.

Я села на диван, Люк устроился рядом со мной. Близко, совсем близко. Я не могла припомнить, чтобы мои ноги когда-либо касались его, и впервые за все годы нашего общения я хотела быть еще ближе к нему. Я чувствовала, как стены, окружавшие мое сердце, начинали рушиться, их размывал бурный поток любви и страха перед войной. Одна трещина, три, два-

дцать, и потом вдруг лед растаял, а с ним все мои страхи, неуверенность и опасения. Я прижалась к Люку, нашла сначала его руку, потом губы.

Мы целовались и прежде – мимолетно, здороваясь и прощаясь – и совсем не так, как теперь. Мое сердце громко стучало, когда он прижал меня к своей груди. Его пальцы ласкали мои волосы, лицо, шею. Я тоже касалась его, чувствуя кончиками пальцев его скулы, сильную челюсть, ключицу, когда расстегнула ворот его рубашки.

– Я люблю тебя, Селина, – прошептал он. – Я всегда любил тебя.

– Я тоже тебя люблю, – ответила я, и эти слова легко, сами собой слетели с моих губ. *Я тоже тебя люблю.* Как мне было радостно выпустить из заточения эти слова, давно жившие в моем сердце, в пространство между нами, и Люк жадно подхватил их.

Он еще крепче прижал меня к себе и снова поцеловал так, что мне захотелось перенестись куда-нибудь в другое место, где можно было дать волю нашей страсти. Я хотела его всего целиком и знала, что он тоже хотел меня всю.

– Я не хочу, чтобы мы расставались, – прошептала я и медленно провела ладонью вниз по его торсу.

– Я тоже, – сказал он, поднес к губам мою руку и поцеловал каждый мой палец. – И это время скоро настанет, любовь моя.

Я кивала, не отрывая от него глаз, ловила каждое его слово.

– Когда я вернусь, мы поженимся. Я буду заботиться о тебе и Кози, и о твоём отце. Я куплю нам красивый дом. У тебя будет все, что пожелаешь, и у Кози тоже. – Он улыбнулся и протянул руку к кофейному столику. Там стоял в вазе пион. Это наверняка работа дочки. Она любила пионы. Люк отдал мне цветок, и я с улыбкой поднесла его к носу. – Любовь моя, – продолжал он. – Я дам тебе все, что пожелает твое сердце. Все цветы в Париже, если ты захочешь.

Я усмехнулась, крутя в пальцах стебель.

– Все цветы в Париже, – повторила я. Мне нравилась его сентиментальность.

Он кивнул.

– Но я хочу только... тебя, – шепнула я сквозь слезы.

– Я весь твой, – ответил он, целуя меня в лоб. – Я всегда был твой.

Я улыбнулась.

– Почему ты выбрал меня? Столько красивых женщин вокруг.

Он пожал плечами.

– Мне никто не нужен. Только ты. Так было всегда.

Я смахнула слезинку.

– Спасибо, что ты дождался меня.

– Я не стал бы ждать больше никого, – заявил он, вставая. Снова поцеловал меня, взял шинель и направился к двери.

Теперь буду ждать я. В Париже, так не похожем на тот город нашего детства. Люк будет где-то далеко, а я тут, бодрствовать и спать, передвигать ноги, низко опускать голову и ждать тот радостный день, когда он вернется.

– Ты не успеешь соскучиться, как я уже вернусь домой. Обещай, что ты будешь беречь себя.

Он стоял в дверях, волосы чуть взъерошены, широкая улыбка на лице, глаза сияли любовью, в них было так много любви. Если бы у меня был фотоаппарат, я бы сфотографировала его в такой момент. Вместо этого я запомнила все до мельчайших подробностей.

– Я обещаю, – сказала я после небольшой паузы, запоминая образ Люка и убирая его в надежное место в моем сердце.

– Я люблю тебя, – снова сказал он. И ушел.

Глава 5

КАРОЛИНА

Яркий свет лился в окна гостиной. Я открыла глаза и обвела глазами незнакомую комнату – мой дом. События нескольких последних дней густым туманом повисли на горизонте, отгородив от меня окружающий мир.

Я встала, потянулась, зевнула и пошла на кухню. Там порылась в бумажной сумке с продуктами, которую привез из больницы Клемент. Мой желудок урчал, когда я просматривала ее содержимое: один багет, клинышек твердого сыра, два персика, коробочка сливок, которую надо было еще вчера убрать в холодильник (увы!), маленький пакет кофейных зерен, кусок салами и коричневый бумажный пакет с двумя шоколадными круассанами – один я сразу схватила и с жадностью вонзила зубы в слоеную выпечку с кусочками темного шоколада. Но когда проглотила второй кусок, меня настигли сомнения. Ем ли я вообще сладкое? Я глядела на отражение моей очень стройной фигуры в кухонном окне и представляла себя прежнюю, питавшуюся морковными палочками и хумусом. Даже хотела отложить круассан, но он был божественно вкусный, и я все равно доела его до последней крошки.

Я заглянула в холодильник и осмотрела его скудное содержимое. Там лежали дюжина яиц (с просроченным сроком годности), сморщенное яблоко, плесневелый кусок сыра и одинокая банка джема. В глубине пакет молока и коробочка чего-то ресторанного и давно испортившегося, я даже не решилась до нее дотронуться.

Не было сливочного масла. Не было коробочки с остатками предыдущего домашнего ужина. Не было десерта, поставленного охлаждаться перед приходом гостей. Ясно, что дома я совсем не готовила. Может, даже и не *ела*.

Я смахнула с губ крошку от круассана и продолжала осмотр кухни. Она была прекрасно оборудована – традиционные белые полки с бронзовыми ручками, столешницы из черного гранита, над маленьким островком бронзовый фонарь «под старину». Блестящие медные кастрюли и сковородки американской фирмы All-Clad, явно ни разу не использованные, были сложены внизу. Из бакалеи только коробочка овсяной муки да неоткрытый пакет риса.

Я обшарила кухонные ящики, надеясь найти там какие-нибудь подсказки, которые помогут мне понять мою прежнюю жизнь. Но нашла только пачку рекламной почты, несколько шариковых ручек, одинокую бельевую прищепку и, как ни странно, две дюжины неочиненных карандашей разного цвета. Я ощутила неожиданный импульс... воспоминания? Но он прошел так же быстро, как и появился.

Я обреченно вздохнула, потом заглянула в ящик возле кухонной раковины и увидела в нем коробок спичек из какого-то заведения под названием «Бистро Жанти» и клочок бумаги с телефонным номером, я долго смотрела на него и сунула в карман вместе со спичками. Это подсказки. Вот и все, что я пока что нашла.

Я зашла в крошечный чуланчик рядом со спальней и увидела ноутбук, открыла и включила его. Конечно, пароль был защищен. Надо будет отнести его в салон Apple. Может, если я объясню там мою ситуацию, они помогут мне?

Я улыбнулась себе под нос. Забавно, что я все же помнила о таких вещах, как салон Apple, или знала, для чего нужна вилка, а для чего кровать, или как отварить яйцо вкрутую, даже несмотря на такую колоссальную дыру в памяти.

– Это называется пассивное знание, – объяснила мне доктор Леруа. – Знание, которое внедрено в вас, но не лично ваше.

Что бы это ни значило, но пока что я была персоной без биографии. Но я чувствовала себя скорее персоной без души.

Я вышла на балкон и поглядела на улицу, но холодный утренний ветерок коснулся моей кожи, и я вздрогнула. В эти дни солнце светило так ярко, что ты почти забываешь, что уже настала осень. Я глядела, как рыжеватый листок сорвался с кленовой ветки, порхал на ветру и опустился на булыжную мостовую перед кафе с зелеными маркизами.

Вздохнув, я пошла в спальню, перебирала там в шкафу чопорные черные платья и рылась в комод, пока не нашла джинсы и голубую футболку. Влезла в них и посмотрела на свое отражение в зеркале ванной. Голубые глаза, чуть вздернутый кончик носа. Похожа я на мать? Или на отца? Живы они или нет?

Я умылась, расчесала волосы и убрала их в пучок, потом отыскала матерчатую сумку, положила в нее ноутбук и возле двери сунула ноги в сандалии. Глупо удивляться, что они мне в самый раз, но что поделаешь, меня удивляло все.

– Хелло, – сказала я солидному консьержу, когда лифт привез меня в вестибюль.

Он фыркнул, повернулся к двери и возился с ручкой и блокнотом.

– Простите, – сказала я немного громче. – Я просто хотела сказать... хелло.

– Хелло, – торопливо повторил мужчина, словно само мое присутствие причиняло ему острую боль.

– Я Каролина, – сказала я, протягивая руку.

Он глядел на меня как на ненормальную.

Я улыбнулась, убрала руку в карман, когда он отказался пожать ее.

– Извините меня, но я попала в аварию, и у меня проблемы с памятью.

Он пренебрежительно вздохнул.

– Я слышал.

– Значит, мы знакомы?

– Мадемуазель, – произнес он без капли эмоций. – Я забочусь об этом доме тридцать пять лет. Вы тут жили последние три года. Да, мы знакомы.

– Ну, тогда хорошо, – продолжила я. – Вы напомните мне ваше имя?

Он смерил меня долгим взглядом.

– Господин де Гофф.

– Мне так вас называть? Или вы...

– Вы можете называть меня господин де Гофф.

– Хорошо, – сказала я, когда он открыл мне дверь. – Ну, я пойду.

– В добрый путь, – буркнул он, хотя вполне мог бы сказать «Скатертью дорога».

Я вышла на улицу и выбросила из головы ворчливого консьержа. Теперь меня занимали вещи поважнее. Но прежде всего... кофе. Я даже не знала, пью ли его, но в этот момент это слово звучало для меня как музыка, и я глядела по сторонам и искала какое-нибудь кафе. Тут я вспомнила про коробок спичек, которые нашла на кухне и сунула в карман. «Бистро Жанти». Я прочитала адрес и пошла прямо, через квартал свернула, потом еще раз свернула и увидела вдалеке вывеску.

Я с опаской взялась за дверную ручку и вошла в ресторан с его маленькими деревянными столиками и темно-красными стенами. Там сразу все показалось мне и знакомым, и чужим. Посетители стояли в очереди возле стойки, где несколько проворных официантов бегали к сверкавшей хромом кофемашине. В воздухе витал пар вместе с ароматом свежемолотого кофе. Женщина в синем пиджаке заказала двойной эспрессо и пирожное. Следом за мной вошла парочка, держась за руки, и попросила столик у окна. В этом бистро присутствовал свой пульс, свой особенный гул, и по какой-то причине я почувствовала себя тут своей.

Старшая официантка осторожно глядела на меня. Она была хорошенькая, примерно моя ровесница, но у нее были страшно усталые глаза, словно она давным-давно не высыпалась по ночам. Она что-то шепнула другому сотруднику. Тот поглядел на меня и торопливо ушел через двойные двери на кухню.

– Доброе утро, мадам, – поздоровалась она наконец; ее слова звучали чопорно и сухо. – Ваш обычный столик?

Мой обычный столик? Значит, я часто здесь бывала... до ДТП. Я огляделась по сторонам в надежде, что кто-то из посетителей, какой-нибудь столик или игра света пробудят мою память, но все было по-прежнему скрыто туманом.

– Хм, да, – ответила я наконец, и она отвела меня к столику, спрятанному в темном углу.

– Могу я заказать эспрессо?

Она вытаращила на меня глаза.

– Вы никогда не заказываете кофе.

– О, сегодня мне захотелось его, – сказала я с улыбкой.

– Хорошо, – ответила она, странно глядя на меня.

– Постойте, – сказала я. – Как вас зовут?

– Марго, – усмехнулась она.

– Я понимаю, что мы наверняка виделись и раньше, но... Я попала в ДТП и... моя память... ну, она пропала.

Она кивнула мне, словно я только что сообщила ей, что у меня дома живет единорог, и вскоре вернулась с кофе, но без меню. Я не успела ничего у нее спросить, как робкий двадцатилетний парень поставил передо мной тарелку, сказал «бон аппетит» и убежал на кухню.

Я поглядела на мой, вероятно, обычный завтрак: одно яйцо пашот, посыпанное черным перцем, на листьях подвявшего шпината. Парочка за соседним столиком с удовольствием ела киш, пирог с заварным кремом, свежий, только что из духовки. За другим столиком мужчина читал газету и уплетал соблазнительнейшие яйца бенедикт. Я разочарованно взирала на свой завтрак, сделала глоток кофе, а в это время ко мне направился мужчина в белом халате, импозантный, с красивым, точеным лицом и темными волнистыми волосами, слегка окрашенными сединой на висках.

– Надеюсь, сегодня мы не сделали ошибок, – сказал он с осторожной улыбкой. У него были хорошие глаза, почти знакомые.

– Ошибок? – Я посмотрела в его карие глаза. – О нет, нет, – ответила я через минуту, взглянув на мой нетронутый завтрак и снова на него. – Нет, все... превосходно. Просто я... – Вздохнув, я жестом показала на стул напротив меня. – У вас найдется минута... чтобы присесть?

Он удивился и даже был чуточку смущен, но кивнул и сел за мой столик.

Я наклонилась ближе к нему и сказала, понизив голос:

– Дело вот в чем. Думаю, вы знаете меня, и я тут регулярная посетительница. Но я вас не помню. Я ничего не помню. Я угодила в аварию и в результате... ну... потеряла память. Теперь я стараюсь собрать по кусочкам мою жизнь.

– О, – ответил мужчина. – Мне очень жаль это слышать. Конечно, я готов вам помочь.

Я протянула ему руку.

– Пожалуй, для начала нам надо познакомиться. – Я чувствовала, что старшая официантка прожигала взглядом дыру в моем правом боку. – Я Каролина.

Он пожал мне руку, удивленно и настороженно.

– Я Виктор. Я владелец этого заведения – вообще-то, с недавнего времени. Конечно, ноша тяжелая, но работы я не боюсь. Большую часть блюд я готовлю сам, хотя у меня несколько превосходных помощников, поэтому сам я никогда не режу лук – терпеть этого не могу.

Я улыбнулась и показала на старшую официантку.

– А Марго? Я преувеличиваю или она хочет швырнуть мне в лицо меню?

Виктор усмехнулся.

– Значит, я угадала. Я последняя дрянь.

Он засмеялся.

– Нет-нет, вы не дрянь.

– Тогда кто?

Он с любопытством поглядел на меня.

– Я слишком мало вас знаю, чтобы ответить на ваш вопрос.

Я выпрямила спину.

– Справедливо. Но если я должна извиниться перед кем-то, то, надеюсь, мне скажут об этом.

– Я уверен, что извиняться нет нужды, – с улыбкой заявил Виктор. – И не переживайте из-за Марго. Она мать-одиночка и ездит на работу издалека, с окраины. У нее много своих проблем.

Я подозревала, что он что-то недоговаривает, но удовольствовалась услышанным. Я бросила взгляд на свою тарелку и нахмурилась.

– Если мое меню на завтрак отражает мою личность, – заметила я с сарказмом, – то в мой адрес звучит куча насмешек.

Виктор засмеялся.

– Возможно.

Я вздохнула и оглядела зал.

– Значит, вы недавно купили этот ресторан?

Виктор кашлянул.

– Да, можно сказать, что это одна из жемчужин Парижа; им владела одна семья почти сто лет. – Он помолчал. – Остановите меня, если я слишком разговорюсь или если вы... вспомните что-то, что я уже вам говорил.

– Вы не представляете, как мне сейчас хочется, чтобы вы разговорились!

– Окей. – Он усмехнулся. – Вообще-то, я пришел в ужас, когда увидел, что быстро выставлено на продажу, и поскорее его ухватил. Я слегка изменил меню, но, кроме этого, не делал никаких больших шагов.

– И не нужно, – убежденно заявила я. – По-моему, тут все... идеально.

– А еще с богатой историей, – продолжал он. – Гертруда Стайн, Хемингуэй, Фицджеральд – все они обедали здесь. Когда нацисты захватили Париж, эти стены устояли. Меню со временем менялось, но мы всегда подавали стейк средней прожарки, качественный завтрак и превосходное мартина.

– Чего еще можно желать? – спросила я с улыбкой. Он кивнул.

– Я приходил сюда еще мальчишкой – каждое воскресенье с моей матушкой. Всю неделю я ждал этого, ведь это означало, что я съем на десерт крем-брюле и подольше не лягу спать.

– И вы всегда мечтали купить этот ресторан?

Он покачал головой и направил взгляд в какую-то точку на стене за моей спиной или скорее в какое-то место в его памяти, далекое-далекое.

– Вообще-то, нет. Я никогда не думал, что мне выпадет такой шанс. К тому же жизнь повернула меня в другую сторону. – Он долго молчал. – Но когда представилась возможность, я решил, что будет правильно, если я его куплю. Впрочем, хватит обо мне. Нам надо говорить о вас.

Я кивнула и сделала большой глоток эспрессо.

– Странно просить незнакомого мне человека рассказывать мне про меня. Мне хочется узнать больше подробностей.

– Подробностей? Не знаю. Но я могу сообщить вам о моих впечатлениях.

– Пожалуйста, – попросила я. Он вздохнул.

– Я знаю, что вы приходите каждое утро ровно в семь тридцать, ни на минуту раньше или позже. Вы заказываете одно и то же. – Он показал на мою тарелку. Яйцо пашот на шпинате. И ни с кем не разговариваете.

Я усмехнулась.

– Ясно, я еще та тусовщица.

Он долго молчал и глядел на меня так, словно я сказала ужасно странную вещь.

– Что такое?

Он покачал головой.

– Просто... вы улыбаетесь.

– И это что... странно?

Он заглянул мне в глаза.

– Вы никогда не улыбаетесь.

Я потеряла то место на голове, которое пострадало сильнее всего. Оно до сих пор было болезненным, но уже не так, как в больнице.

– Ого, – сказала я. – Кажется, я была жалкой и несчастной.

Он напряженно улыбнулся.

– Я бы так не сказал.

– Судя по вашим словам, очень жалкой.

– Нет, нет, пожалуйста, не преувеличивайте, – убежденно заявил он.

– Тогда что? Я просто была замкнутой?

– Нет, Каролина, если вам интересно услышать мое скромное мнение...

– Да, да, пожалуйста. Мне интересно все, что вы можете мне сказать.

Он нахмурился.

– По-моему, вы просто очень... печальная.

– Почему? – Я наклонилась ближе к нему, словно этот незнакомец держал в руке ключ, отпирающий мои воспоминания, – но, увы, ключа у него не было.

– Простите. – Он пожал плечами. – Мне жаль, что я больше ничем не могу вам помочь. –

Он встал, услышав, как его позвали из кухни.

– Постойте, – попросила я. – Вы можете сказать мне что-нибудь еще? Как я могла стать такой печальной, жалкой, угрюмой? – Я снова поглядела на Марго и с сожалением покачала головой. – Вероятно, я обругала ее когда-то.

Он поправил свой фартук.

– Работая в ресторане, много узнаешь о людях. Ты видишь все, от красоты до безобразия, и со всеми промежуточными оттенками. С годами я твердо понял одну вещь – что обиженные люди сами обижают других людей.

– Обиженные люди обижают других людей, – повторила я. – Ого.

– Может, вы не знаете причину, Каролина, но вы обижаете.

Я жадно ловила каждое его слово, но он замолчал.

– Простите, я должен вернуться на кухню. Но завтра для вас будут готовы яйцо пашот и шпинат.

Возможно, я обиженная особа, но я решила, что не стану обижать других. Больше не стану. И мне пора есть *вкусные* блюда.

– Спасибо, но завтра я, пожалуй, съем вместо этого киш.

– Превосходная идея, – одобрил он.

Улицы Парижа казались мне лабиринтом. Запрокинув голову, я глядела на дома, возвышавшиеся над узкими улицами; их балконы обрамляла ярко-розовая герань. Куда мне пойти, направо или налево? Трудно поверить, но я вроде прожила тут три года. Я остановилась и спросила по-французски дорогу у старушки; мои слова прозвучали изысканно и литературно. Интересно, какие еще у меня есть латентные навыки? Возможно, я умею делать шпагат или

читать наоборот Клятву верности флагу¹. Чем больше качеств я открывала в себе, тем меньше понимала что-либо.

Вдалеке я заметила салон Apple, зашла в него и обратилась к продавщице с кольцом в носу и синими волосами. Я объяснила по-английски мою проблему, а она скептически посмотрела на меня.

– Вам придется это стереть, – наконец ответила она по-французски.

Я покачала головой.

– Вы меня не поняли. У меня амнезия. Я попала в аварию и неделю пролежала в больнице. – Я подняла мой ноутбук. – Мне нужно открыть этот компьютер.

Она тупо смотрела на меня, словно я только что сообщила ей, что я дочь Стива Джобса и хочу, чтобы она прислала мне по одному экземпляру всех гаджетов магазина, а счет направила отцовской фирме.

– Пожалуйста, – попросила я.

Она что-то сообщила по головной гарнитуре, и через минуту появился мужчина лет пятидесяти.

– Мне жаль, – сказал он голосом робота, – но мы не можем ничем вам помочь, поскольку на вашем компьютере установлен защищенный пароль. – Он открыл мой ноутбук и показал на экран. – Вы не получите доступ к защищенным паролем файлам, но можете залогиниться как гостевой пользователь. Так вы сможете пользоваться девайсом.

– Спасибо, – уныло пробормотала я и направилась к двери.

Я долго и бесцельно бродила по улицам, пока они не стали вновь казаться мне знакомыми. Мой внутренний компас, вероятно, знал, как привести меня домой, и через некоторое время я увидела впереди «Бистро Жанти». Было уже около семи вечера, и мой желудок урчал. Я вспомнила владельца ресторана, проявившего ко мне доброту. Не покажется ли ему странным, если я вернусь и пообедаю?

Я вспомнила, что он говорил про стейк, и отбросила сомнения. Когда я вошла в зал, меня встретила другая старшая официантка, темноволосая и постарше. Непонятно, знала она меня или нет.

– Вы одна? – спросила она. Я кивнула. В ресторане было многолюдно, но я заметила свободное место возле бара, и она отвела меня к стойке и оставила с меню и стаканом воды.

Я достала из сумочки телефон, только что заряженный в салоне Apple, и порадовалась, что на нем не установлен пароль. Открыла мою переписку, но все мои тексты, кажется, были удалены. Мои контакты тоже не представляли особого интереса – только список имен, которых я не знала. Не было «Фейсбука» с «Твиттером», где я могла бы порыться. Я открыла папку с фотографиями и обнаружила там только две картинки: одна – задний дворик дома с пальмами и бассейном. Я вспомнила картину на стене в квартире, ту, где чаша с лимонами. На следующем фото две фигуры где-то на пляже. Мужчина и маленькая девочка держатся за руки, стоя спиной к камере.

Странно. Почему только эти фото и больше ничего?

– Простите, – услышала я за спиной мужской голос, и кто-то хлопнул меня по плечу. – Каролина?

– Да, – ответила я и, убрав телефон в сумку, повернулась к нему. – Простите, мы знакомы?

– Это я, Жан-Поль. – Он был высокий, элегантный, красивый. – Пожалуй, ты тогда выпила несколько бокалов вина, но ты наверняка меня вспомнишь.

– Да-да, конечно, – подыграла я – не хотела показаться невежливой.

¹ Клятва, которую приносят в начале каждого школьного дня при подъеме флага миллионы американских школьников.

– Это место не занято? – спросил он, показав на стул рядом со мной.

– Нет, нет, – ответила я.

– Отлично. – Он сел. – Я рад тебя видеть. Ты получила мое письмо?

Я осторожно разглядывала его лицо. Очевидно, мы знакомы. Но как? Я обвела глазами ресторан, отыскивая Виктора, в надежде, что он поможет мне понять ситуацию, но не видела его.

– Нет, не получила, извини, – смущенно ответила я, глядя на сумочку.

– Я звонил тебе несколько раз.

– Я была... занята.

– Ладно, ничего... – Он усмехнулся. – Ты выпьешь со мной?

– Конечно, – ответила я, и в этот момент из кухни вышел Виктор. Его глаза немедленно встретились с моими, но он не подошел. Вместо этого он что-то отдал официантке и снова скрылся за двойными дверями.

Мой компаньон подозвал бармена и заказал нам по мартини. Первый глоток оглушил меня, но вкус был приятный. Я сделала еще один глоток и еще. Через несколько минут мое тело наполнилось теплом, и я чувствовала себя слегка онемевшей.

– Как тебя зовут? Скажи еще раз, – попросила я.

– Жан-Поль, – засмеялся он. – Видно, в тот раз ты выпила больше, чем я думал. – Он заказал по второй порции мартини и стал рассказывать мне про лекцию, которую он читал сегодня в университете, где он профессор чего-то там. Я слушала его вполуха, но на самом деле глядела на кухню и ждала, когда из нее выйдет Виктор. Потом прибыла третья порция мартини, а также мой стейк, я с удовольствием ела каждый кусочек, а Жан-Поль рассуждал о достоинствах экзистенциального мышления в современном мире или что-то типа того. После первой порции мартини я оставила всякую надежду уследить за его великими идеями. В половине десятого я чувствовала себя легче перышка и еле заметила, что его рука опустилась вниз и трогала мою коленку.

– Это было так классно, – сказал он.

«*Неужели?*» – подумала я. Кажется, я не говорила ничего, кроме «о», «да», «нет», «классно». Если честно, я с трудом помнила его слова. Но в зале играла музыка, на него было приятно посмотреть, да и кто еще мог сидеть рядом со мной у барной стойки?

– Можно я провожу тебя домой? – спросил он, наклоняясь ближе ко мне, и в это время за стойкой появился Виктор.

– Ну, еще раз привет, – сказал Виктор, подливая мне воды, потом кивнул Жан-Полью. Не могу сказать, знали они друг друга или нет, но в их разговоре чувствовалась какая-то... напряженность.

– Мы хотим заплатить, – сказал Жан-Поль.

– Без десерта? – удивился Виктор.

– Это не для нас, – ответил он.

– Жалко. – Виктор посмотрел на меня. – Даже не хотите крем-брюле?

– Я хочу, – говорю я. – Пожалуйста, принесите мне.

Виктор ушел с нашим заказом на кухню и через мгновение поставил передо мной карамелизованное чудо.

Жан-Поль первым зачерпнул его и тут же положил ложку на стол.

– Слишком сладко, на мой вкус.

Попробовала я и закрыла глаза, наслаждаясь вкусовыми оттенками.

– Потрясающе.

– Хочешь еще выпить? – предложил Жан-Поль.

Я не успела ответить, как вмешался Виктор, глядя на меня:

– Тебе не кажется, что ты достаточно выпила?

Возможно, его намерения были самыми правильными, но меня неприятно задел его тон.

– Справедливое замечание, – сказал Жан-Поль, протягивая Виктору кредитную карточку. – Зачем нам пить здесь, когда мы можем это сделать у тебя дома?

Мне кажется, что я уловила в глазах Виктора искорку озабоченности или... чего-то такого, но лишь на долю секунды. Жан-Поль встал и пошел к двери, а я рылась в сумочке. Мартини подействовало, и я, пошатываясь, встала со стула.

– Осторожнее, – шепнул мне Виктор из-за стойки. – Он настоящая акула.

Я приняла к сведению его слова и все же удивилась: если Виктор искренне заботился обо мне, почему он сам не предложил проводить меня домой? К тому же Жан-Поль казался мне вполне приятным, хоть и чуточку эгоистом.

– Доброй ночи, – сказала я Виктору, когда Жан-Поль обнял меня за талию.

– Вот мы и пришли, – сказала я, когда мы остановились возле моего дома. – Спасибо за компанию. Вечер получился приятный.

– Что? Ты даже не приглашаешь меня к себе? Ты ведь знаешь, как меня интересует история улицы Клер. Нет, ты меня просто терзаешь.

В какой-то момент я хотела его прогнать, но потом увидела справа от меня чью-то тень. При тусклом свете фонарей мне померещилось, что кто-то выглянул из-за угла дома и тут же исчез.

– Ты это видел? – спросила я у Жан-Поля.

– Что?

– Да так, – пробормотала я, слегка запинаясь. – Пожалуй, я слишком много выпила.

– Тогда позволь проводить тебя наверх, – сказал он, взял меня за руку и крепко обнял за талию. Внезапно все вокруг меня пришло в движение. Над головой мигал, стробировал уличный фонарь, лицо Жан-Поля то расплывалось, то входило в фокус, а у меня подгибались ноги и уплывало сознание.

Я открыла глаза и испугалась, не понимая, где я оказалась, но потом постепенно поняла: я лежала на софе в моей гостиной, укрытая одеялом. Я села, сжав ладонями голову, и посмотрела на настенные часы: 3 часа 34 минуты утра. В мой мозг хлынули кричащие воспоминания о прошедшем вечере: Жан-Поль, мартини, «Бистро Жанти», неодобрительный взгляд Виктора. Вероятно, я потеряла сознание. Неужели Жан-Поль отнес меня наверх? Я оглядела себя и с облегчением увидела, что я полностью одета, но сразу ужаснулась, что рисковала собственной безопасностью. Тут же поклялась сама себе не пить больше мартини и смочила на кухне пересохшую глотку тремя стаканами воды.

Уныло вздохнув, я прошла в спальню, разделась и достала из верхнего ящика футболку большого размера. От нее пахло лавандой и... чем-то еще. Я надела ее, и, когда задвигала ящик, мой глаз заметил в глубине что-то зеленое. Я протянула руку и вынула аккуратно сложенную льняную мужскую рубашку с коротким рукавом, застегнутую на все пуговицы. На ней выцветший пальмовый принт. Такие рубашки можно увидеть в рекламе бренда Tommy Bahama или на туристах, которые проводят отпуск в тропиках. *«Чья она и почему я хранила ее в своем ящике?»*

Зазвонил телефон, вроде на кухне – стационарная линия, о которой я и не знала. Я побежала через холл, а он все звонил и звонил, пронзительный, словно пожарная сирена или предупреждение о воздушном налете. От этого звона у меня пробежала дрожь по позвоночнику.

– Алло? – Я с бьющимся сердцем ждала ответа, но слышала лишь чье-то дыхание, а потом гудки.

Я положила трубку и долго глядела на нее. Кто звонил мне в такой час? Решив выбросить из головы этот звонок, я снова пошла через холл, но, перед тем как зайти в спальню, заметила

краем глаза какой-то свет. Дверь в третью спальню в конце холла была чуточку приоткрыта, на пол падал луч лунного света. Конечно, мне захотелось туда заглянуть.

Скрипнули петли, когда я открыла дверь шире и зашла внутрь.

Спальня была небольшая, почти вдвое меньше спальни хозяина. В ней стояла двуспальная кровать, возле нее тумба и маленький письменный стол у окна. В этой спальне что-то не гармонировало с остальной квартирой, а почему – непонятно. Возможно, осветительная арматура; она выглядела более старой, чем современные светильники в остальных комнатах. Я провела ладонью по штукатурке и почувствовала кончиками пальцев облезающую краску и глубокие трещины. И тут меня пронзила догадка. Вся квартира была отремонтирована, а эта комната осталась нетронутой. Почему? Я выглянула в окно, где над улицей Клер низко висела луна, и на миг ощутила себя кем угодно и в любом времени в истории Парижа. Маленькой девочкой, которая что-то просила у звездочки перед школой. Молодой матерью, напевающей рождественскую песню. Старухой, которая молится о безопасности во время фашистской оккупации. Я ощущала присутствие тех людей, которые когда-то жили в этой самой квартире.

Луна нырнула за тучу, я зажгла маленькую лампу на тумбе, и она моментально отбросила зловещие тени. Я взялась за две бронзовые ручки, открыла дверцы шкафа и выпустила из него застарелый воздух. В нем пахло как на старом чердаке – пылью и забытыми воспоминаниями. Одежды в нем не было, лишь несколько пустых вешалок и остатки цветастых обоев, давно выцветших и ободранных. Я потрогала рукой верхнюю полку и вызвала лавину пыли, потом присела на корточки и поглядела на декоративную кованую решетку на стене, остатки старинной отопительной системы, давно уже демонтированной. Я нажала ладонью на решетку, и она провалилась куда-то в стену. Я попыталась вытащить ее оттуда, засунула пальцы в темную щель и нащупала там какой-то предмет. Глубже запустила туда руку, вынула маленький деревянный ящичек, положила его на кровать и рассмотрела при свете.

Кажется, это был старый ящичек из-под сигар. Я сдула с его поверхности толстый слой пыли и осторожно открыла изящную защелку. Внутри лежала аккуратная пачка пожелтевших конвертов, перевязанная грубой ниткой. Развязав ее, я посмотрела на первое письмо. Оно было адресовано месье Люку Жанти. Следующее тоже, и следующее. Но на этих письмах не было ни марок, ни почтовых штемпелей. Похоже, их никуда не отправляли. *Кто же оставил их тут и почему?*

Я провела пальцем по клапану первого конверта, достала два сложенных пополам листка и, поднеся их ближе к свету, рассмотрела изящный почерк. Письмо было написано по-французски, и я читала его без труда.

Люк, любимый мой!

Ты уехал, и я решила писать тебе письма, чтобы скоротать время. Время – это все, что сейчас у нас есть, и я считаю каждую секунду, минуту, день до твоего возвращения домой, когда мы снова будем вместе. И мы будем вместе, я это знаю. Чувствую. Если не на этой земле, то на небесах.

В эти страшные времена трудно сохранять оптимизм, твердо верить, что добро в конце концов одолеет зло, что в конце концов любовь победит ненависть. Но мы должны проявить упорство. Мы должны жить нашей любовью, черпать в ней силы.

Я не знаю, где ты, но молюсь, чтобы ты был жив и здоров. Я молюсь за тебя каждый день утром, когда проснусь, и вечером, когда закрою глаза. Меня утешает мысль, что ты тоже молишься за меня. Я знаю, ты молишься.

Твои молитвы мне нужны сейчас больше прежнего. Я ужасно боюсь, у меня неприятности. Не знаю, попадет ли когда-нибудь к тебе это письмо, но я все равно буду писать тебе. Я страстно жду того дня, когда все ужасы останутся позади, когда мы с тобой опять будем вместе.

Я люблю тебя всеми клеточками моей души.

Твоя навеки,
Селина

Прежде чем убрать письмо в конверт, я взглянула на дату на первой страничке – 18 октября 1943 года, – и у меня полезли глаза на лоб. Это военное время и, если я не ошибаюсь, самый разгар оккупации Парижа. Я вернулась в свою спальню, положила на столик ящичек для сигар и, дрожа от холода, залезла под одеяло и закуталась в него. Я чувствовала себя чужой в моей кровати и вообще в этом мире. Я слишком устала, чтобы думать о моей жизни, моих проблемах. Вместо этого я думала о Селине. Кто она такая и как ее письма попали в мою квартиру?

У меня отяжелели веки, и, закрывая их, я чувствовала, как скользила в пространстве между сном и явью. Я как будто стояла на середине моста, соединявшего обе стороны. Вдалеке я слышала отчетливый шорох пальмовых листьев на ветру и веселый смех маленькой девочки. «Гляди, мама, гляди!» – говорила она и с громким плеском прыгала в бассейн. Капли воды падали мне на лицо. Этого было достаточно, чтобы я открыла глаза и села на постели, но я даже не пошевелилась. Я хотела полежать еще. Мои ресницы затрепетали, когда вдали появился мужчина. Я не видела его лица, но знала его. Ветряной колокольчик висел возле двери и тихонько звенел.

Шорох пальм затих так же быстро, как и появился, и, когда я на следующее утро открыла глаза в моей странной парижской квартире, где во всех углах прячутся тайны, я прогнала слезы. Я не помнила мою прежнюю жизнь, но впервые остро поняла, что ужасно тоскую по ней.

Глава 6 СЕЛИНА

30 сентября 1943 г.

– Мама, разве ты не любишь осень? – спросила Кози, положив голову на мое плечо.

– Люблю, – ответила я, глядя ее черные, как вороново крыло, волосы. Я не стала говорить дочке, что это первая осень, которую я не то что не любила – даже ненавидела. Да, на рынке появились тыквы, а кроны деревьев расцвели всеми оттенками красного, желтого и оранжевого, но город уже стал для нас чужим, потому что и в нем не было Люка.

Неделю назад я получила от него письмо. Оно пришло во вторник без обратного адреса, и наш почтальон Гюстав подмигнул мне, вручая его.

– Селина, сегодня у тебя радость.

Трепеща от восторга, я вскрыла конверт, но мое сердце упало, когда я стала читать слова Люка – холодные, краткие и совсем чужие.

Осень наступила, дорогая Селина,
Прекрасный день на юге Франции.
А дома все равно лучше.
Сердечный привет Кози и твоему отцу.
Но каждый день несет много перемен.
Однако в мире все-таки много прекрасного.
La vie est un sommeil, l'amour en est le rêve.
Я буду скучать по тебе, всегда,
Люк

Я перечитала письмо раз пятнадцать. *Что же он имел в виду? И что за непонятная цитата: «Жизнь есть сон, любовь в ней – сновидение»?* Он явно написал это в грустную минуту. Я в который раз пробежала письмо глазами. Люк! *Что ты пытался мне сказать?*

Я вздохнула и упала на свою кровать.

– Что случилось, мама? – спросила Кози, когда часом позже вернулась из школы.

Я потеряла глаза и поглядела на часы.

– Кажется, я задремала.

В больших глазах дочки я увидела тревогу.

– Ты плакала.

– Нет, милая, – ответила я, взяв себя в руки. – Все в порядке.

Она заметила на туалетном столике письмо Люка, и я тут же пожалела, что не убрала его.

– Я ничего не понимаю, – озадаченно сказала дочка, держа в руке письмо. – О чем пишет Люк?

– Ни о чем, моя хорошая, – ответила я. – Вообще ни о чем. Это шутка. Глупая шутка.

Мои слова не успокоили Кози. Она была мудрее, чем все наши знакомые дети. Она еще раз молча перечитала письмо и удовлетворенно кивнула.

– Это шарада, – с улыбкой сообщила она наконец. – Люк очень умный, мама, неужели ты не видишь? Он оставил тебе *секретный код*.

– Все okay, милая, – ответила я, не принимая ее трогательную попытку меня утешить. – Это взрослые дела, тебе не надо беспокоиться.

Она широко раскрыла глаза, и я подумала, что быть ребенком и смотреть на мир через такие простые линзы – это дар. Я не хотела, чтобы Кози утратила его из-за войны или из-за меня.

– Нет, мама, – продолжала она. – Я *все поняла!* Маленькая дверь в «Бистро Жанти»! Знаешь, тот потайной шкафчик с нарисованными на дверце воздушным шаром и цирком зверей, где Люк всегда оставлял угощение для меня и месье Дюбуа?

– Ничего не понимаю. – Я удивленно подняла брови.

– Мама, – настаивала Кози, снова показав пальцем на письмо Люка. – *La vie est un sommeil, l'amour en est le rêve.* – У нее сверкнули глаза. – Эти самые слова написаны на той дверце.

Я снова взяла письмо в руки и посмотрела на него другими глазами.

– Конечно! Какая же я недогадливая! Это...

– Секретное послание! – договорила вместо меня Кози. – А это, – продолжала она, показав на первые буквы каждого предложения, – это код-акrostих.

– Что?

– Люк научил меня, – улыбнулась она. – Только секретные агенты вроде нас это понимают. Мама, давай я научу тебя. – Она шлепнулась рядом со мной на кровать и показала, как из первых букв каждого предложения составляется слово. – Видишь? – сказала она наконец, но ее личико внезапно побледнело. – О-П-А-С-Н-О.

Мне хотелось сказать ей, что все будет нормально. Что это просто игра и что ей пора бежать на улицу к подружкам и поиграть в классики, а я спокойно возьму на себя груз всего этого и сберегу ее детский мир таким, каким она его знает – безопасным, красивым и радостным. И если вчера или в предыдущие дни я могла бы решить эту превосходную шараду, то теперь уже не могу. Зло просочилось в наш мир. Я видела это в глазах Кози, когда она прижалась ко мне и обхватила меня за талию своими маленькими ручками.

– Все будет окей, мама, все равно, – прошептала она. – Правда?

– Да, солнышко, – ответила я, прогоняя слезы.

Теперь мы с ней были вместе.

Я пекла на ужин блинчики, но Кози почти не притронулась к ним, как и папа. Когда я убрала посуду, мы втроем посидели у огня. Солнце село, темнота накрыла город, но мы не зажигали ламп и вместо этого довольствовались теплым сиянием очага. Так нам казалось безопаснее, и мы прятались в коконе темноты.

Потом мы с Кози легли в постель, и дочка быстро заснула рядом со мной, а я долго лежала без сна и думала о письме Люка. Может, его тренинг был прикрытием для чего-то еще? Чего-нибудь мрачного? И этот ребус, намекавший на опасность и на маленькую комнатку в «Бистро Жанти»... Может, Люк оставил там что-нибудь для нас? Сообщение? Инструкции? Я пойду туда как можно скорее и посмотрю.

Я лежала рядом с Кози и страдала, слишком уставшая, чтобы встать и закрыть шторы в нашей спальне. В результате холодный лунный свет лился в окно и падал на щеку дочки и на левое ухо месье Дюбуа. Я напонила себе, что эта луна, эта самая луна светила нам всегда, задолго до появления Гитлера и его ужасной армии, и повидала много зла и много добра. Может, в эту самую минуту на нее глядит Люк в своем далеком краю. Такая мысль утешила меня, и я наконец уплыла в сон.

– Шакшука! – весело сказал папа на следующее утро, ставя на стол горячую чугунную сковороду. Кози сидела на стуле. Ее ноги пока еще не доставали до пола и болтались в воздухе. Как бы мне ни хотелось, чтобы она поскорее стала красивой девушкой, я знала, что буду всегда с грустью вспоминать тот день, когда ее ноги наконец коснутся пола.

– Шакшука? – Кози с интересом разглядывала экзотическое блюдо.

Конечно, я моментально узнала его. Яйца под пряным томатным соусом, слегка посыпанные петрушкой и пармезаном. Я ностальгически улыбнулась папе, вспомнив, как мама приготовила для меня шакшуку в первый раз.

– Это любимое блюдо твоей бабушки, – сообщил он Кози.

– Правда? – Кози погрузила вилку в яичную массу и без колебаний отправила ее в рот. – Вкусно!

– Еще бы, – ответил папа. – Только осторожнее, сковородка очень горячая.

– Я гляжу на тебя и удивляюсь, – сказала я папе с улыбкой. – Что с тобой? Ты ведь много лет не готовил завтрак. – Но тут же вспомнила. – Ах да, сегодня же мамин день рождения, конечно!

Кози поглядела в лицо папы.

– Ты скучаешь по ней так же, как мама скучает по моему отцу?

– Каждый день, – ответил папа. – Каждый божий день.

Он подошел к приемнику, стоявшему в гостиной на столике, включил его и покрутил ручку, пока не нашел оркестр – джазовую смесь из счастья и печали: на кларнете, конечно, играл Гленн Миллер. Мама любила музыку. Сейчас она бы точно стала танцевать с папой на кухне и в шлепанцах.

Дочка встала из-за стола, подошла к папе и испытующе поглядела ему в глаза.

– Тебе грустно?

Улыбка папы подтвердила его боль и озабоченность. У меня сжалось сердце; обе эмоции с одинаковой силой тронули меня.

– Думаю, что я всегда буду грустить, моя хорошая. – Он положил левую руку на худенькое плечо Кози, а правой обнял ее за талию. Они танцевали под Гленна Миллера в центре гостиной. Грязные тарелки лежали в раковине, в центре разорванного войной города и в самом сердце разорванного войной мира.

У нас, как и у всех остальных, не осталось никакой уверенности в будущем. Вообще никакой. Не было никакой гарантии, что наша маленькая семья будет избавлена от горя и боли. Я совершенно не представляла, что принесет мне сегодняшний день или завтрашний. Но я точно знала, что эта картина – как мой папа танцует с моей маленькой дочкой утром в среду, – пожалуй, одна из самых прекрасных вещей, какие я когда-либо видела.

Пока мне было достаточно и этого.

Я поглядела в окно на улицу и вздохнула. Папа и Кози взялись за обыденные дела. Сейчас он отведет ее в школу, постоит у ворот, дождетя, когда она помашет ему рукой из окна классной комнаты, потом пойдет обычной дорогой в лавку, отопрет старую дверь и приступит к работе. Мне очень хотелось помогать ему. Мне не хватало прогулок по городу, ощущения свежего ветра на щеках, запахов города, парижской какофонии: лая собак, аромата кондитерских, школьников на велосипедах, напевающих песенки, супругов, скандалящих на балконе третьего этажа. Я скучала по всем этим вещам, особенно по прежнему ритму моей жизни.

Люк уехал три недели назад, но мне казалось, что прошла уже целая вечность. После нашего прощания время тянулось медленно и мучительно. Меня охватывал трепет всякий раз, когда я вспоминала нашу последнюю ночь, а это случалось много раз на дню. Мне нравилось вновь и вновь вспоминать о ней. *Когда я впервые увидела ту искру в его глазах? В какой момент наши губы впервые встретились? Кто первым это сделал, он или я?* Ровная, приятная и нежная дружба, длившаяся годами, наполнилась необъяснимой электрической энергией. Я думала о Люке постоянно, утром и вечером – когда после завтрака заплетала Кози косички и завязывала розовый бант или вытирала после обеда посуду. Я вспоминала, как Люк глядел на меня в ту ночь – *в ту ночь*, – и в моей груди вспыхивали жаркие искры, словно в папином камине.

После его отъезда прошли несколько недель, но они показались мне долгими годами. *Безопасно ли ему там? Скоро он вернется или задержится надолго?* Я серьезно отнеслась к его совету и старалась как можно реже выходить из дома, кроме одного утра, когда у папы оказалось слишком много заказов. Но даже тогда я надела плащ с капюшоном и шла не прямой дорогой, а круглым путем по переулкам, чувствуя себя невидимкой.

Целыми днями я оставалась наедине со своими мыслями и часто сомневалась, правильно ли я поступаю. Возможно, я чрезмерно осторожная. Возможно, Кози ошиблась, и письмо Люка никакое не предостережение, просто оно было написано наспех, между дел, занятым человеком. К моему разочарованию, я больше не получила от него ни одного письма, но если бы ему потребовалось сообщить важную информацию, Густав наверняка бы принес к этому времени еще одно письмо.

Я повесила фартук на крючок и загляделась на птичку, которую увидела в окне кухни. Она махала крыльшками и села на карниз дома, что на другой стороне улицы, но тут же снова взлетела и устремилась куда-то еще. Хотелось бы и мне быть такой птичкой, свободной как ветер.

Что, если я понравлюсь какому-то немецкому офицеру? Я буду не первой француженкой, у которой появился поклонник-немец. Потом ему встретится какая-нибудь другая девушка, и он бросит меня. Хотя я и обещала Люку, что постараюсь не попадаться немцам на глаза, так это не навсегда. Всем известно, что немецкие офицеры непостоянные, как весенний ветер. Насколько я могу судить, тот высокий офицер давно уже забыл про меня.

Зазвонил телефон, и я побежала в гостиную. Телефон стоял там на мраморном столике рядом с папиным креслом-качалкой.

– Бонжур, – сказала я в трубку и увидела в зеркале с бронзовой рамой свое бледное лицо и темные круги под глазами.

– Селина, это Сюзетта, – взволнованно и торопливо сказала моя подруга.

Мы дружили с ней с детских лет. Когда я переехала в Париж, она единственная в моей новой школе улыбнулась мне.

– Запомни две вещи насчет парижской жизни, – сказала она мне тогда. – Все девчонки подлые, так что не обращай на них внимания. А если ты понравишься какому-нибудь мальчику, *всегда* делай вид, что тебе на него плевать, даже если он тебе тоже нравится. – С тех пор мы с ней дружим.

Мы с Сюзеттой никогда не разлучались, мы вместе бегали каждый день по ступенькам в школу на холмистый Монмартр. У Сюзетты, с ее красивым лицом и рыжевато-каштановыми волосами, всегда были толпы обожателей. А мне больше всего нравились ее уверенность в себе и независимость. Только Сюзетта могла убедить мальчишек бросить камешек в окно дома, где жила наша директриса, или простоять целый час под дождем возле отеля «Ритц», прослышав, что там поселился Кэрри Грант (на самом деле она ошиблась), или положить украдкой тухлое яйцо в парту самой подлой девчонки во всей школе. Большинство ее проказы были довольно безобидными, в остальных ситуациях я оказывалась для Сюзетты голосом разума, так необходимым ей в такие моменты. В шестнадцать лет я отговорила ее, когда она собиралась пойти в ресторан с мужчиной, годившимся ей в отцы (хотя он был красавцем). Годом позже она устроилась в богатую семью, чтобы смотреть по выходным за детьми, и как-то вечером тайком убежала в соседнее кафе на свидание с мальчиком. Вернувшись, она обнаружила, что дом заперт, и в панике позвонила мне (к счастью, ее звонок не разбудил папу). Я бешено крутила педали целую милю и встретила с ней возле того дома. Сюзетта встала мне на плечи и залезла в дом через окно второго этажа. А я взяла с нее обещание больше не повторять таких фокусов.

Мы делились с ней первыми любовными неудачами. Она была влюблена в Жан-Жоржа, который был старше ее на три года, а я в тихого парня по имени Жак. Когда мне исполнилось шестнадцать, его семья переехала в Прованс; я написала ему два письма, и оба остались без

ответа. Мы проливали слезы из-за нашей безответной любви и, как ни забавно, испытывали от этого облегчение.

– Ты представляешь? Я на самом деле считала его симпатичным, – сказала мне как-то Сюзетта, когда мы пили кофе.

– Да, – согласилась я. – Вот только нос у него... А я? Не понимаю, что я нашла в этом Жаке. О чем я тогда думала?

Кто-то мог бы сказать, что наши интересы ограничивались поверхностными вещами – влюбленностями, фасонами платьев и так далее, – но Сюзетта была константой в моей жизни. Несмотря на ее недостатки, она была преданной подругой. Она стояла рядом со мной, когда родилась Кози, держала меня за руку и успокаивала, заверяла меня, что она рядом и я не одинока.

Как и мне, Сюзетте тоже не везло в любви. После расторгнутой со скандалом помолвки (оказалось, что ее очень красивый и богатый жених из влиятельной лионской семьи предпочитал... мужчин) она пустилась на утомительные и бесконечные поиски настоящей, верной любви или хотя бы мало-мальски приличного человека. Увы, поиски оказались опасными, со множеством неудач – в последний раз она пила кофе в постели с любовником, женатым ресторатором, в его загородном доме, и туда нагрянули его жена с дочкой. Тут нечего и добавить, ясно, какой получился скандал.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты сегодня свободна и пойдешь со мной на ланч, – с мольбой в голосе зашебетала она.

– Извини, – ответила я, крутя в пальцах телефонный шнур, – просто... сегодня я не смогу. Но Сюзетта была не из тех, кто готов мириться с отказом.

– Ладно тебе, Селина, я не видела тебя месяца два, а то и больше. Может, у тебя уже выросла борода или прорезался третий глаз.

Я засмеялась.

– Я соскучилась по тебе, – продолжала она. – Нам нужно наверстать упущенное и хорошенько поболтать.

– Я тоже соскучилась, – ответила я, – но просто дело в том, что...

– Ну, конечно, у тебя много дел в лавке. Знаю, знаю. Дорогая, говорю тебе, что цветы могут подождать. Пожалуйста, выберись со мной на ланч. Твой отец поймет. К тому же я... мне надо поговорить с тобой и обсудить очень важный вопрос.

Мне почудилась тревога в ее голосе.

– У тебя все нормально?

– Лучше я отвечу тебе на этот вопрос при встрече. – Она вздохнула.

Надеюсь, она не влипла в новую историю. Не хватало, чтобы за ней охотилась еще одна разъяренная жена богатого парижанина. Я опять крутила в пальцах телефонный шнур, обдумывая предложение Сюзетты. Да, как приятно выйти из дома, чуточку подкрасив губы, и заказать салат «Нисуаз», хоть в нем и не будет тунца и зеленой фасоли из-за войны. Я так устала от собственной стряпни, что буду рада любому ресторанному блюду. И я пойду туда осторожно, пригнув голову и самым безопасным путем. Так что, может, все и обойдется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.